

КОСТЯНОЙ ПАСТУХ

18+

А.М. СУНГУРСКИЙ

18+

А.М. Сунгурский
Костяной пастух

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Костяной пастух / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В старом скотном дворе находят троих людей. Они стоят на четвереньках, отвечают на вопросы, но не могут выпрямиться. Под лавкой лежит сапог с именем человека, исчезнувшего двадцать семь лет назад. Савелий Суханов узнаёт имя. Он был рядом в ту лесную ночь и знает, о чём все эти годы молчал. Теперь в деревне появляется пастух с колокольчиком на посохе. Его стадо — люди, и среди тех, кого он собирает, оказывается взрослый сын Савелия. Чтобы вывести его, отцу придётся войти в чужой загон, где даже попытка освободить человека может обернуться увечьем.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Калитка	5
Глава 2. Нижний двор	11
Глава 3. Ровная спина	17
Глава 4. След под крышей	23
Глава 5. Та осень	27
Глава 6. Чужие сапоги	33
Глава 7. Место в машине	39
Глава 8. Первый выезд	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

А.М. Сунгурский

Костяной пастух

Глава 1. Калитка

Калитка перестала скрипеть, и Савелию это не понравилось.

Он несколько раз открыл её и закрыл, прислушиваясь. Новая петля ходила мягко; нижняя доска больше не задевала землю. Всё было сделано как следует, но из дома теперь нельзя было услышать, что кто-то пришёл. Раньше Лариса ещё с кухни кричала, чтобы заходили, а он успевал положить инструмент прежде, чем гость добирался до навеса.

Тихон стоял с другой стороны и ждал, когда отец отойдёт.

— Ну?

— Чего «ну»?

— Открывается?

Савелий снова потянул калитку на себя. Между стойкой и доской осталась ровная щель. Он сам учил сына оставлять такую: к весне дерево поведёт, и то, что осенью сходилась красиво, придётся строгать под дождём.

— Открывается.

— Тогда пустишь?

У Тихона в обеих руках были старые петли. Ржавчина осыпалась ему на пальцы; на левом запястье темнела полоса от ремешка часов, которые он снял перед работой. Савелий посторожился. Сын прошёл во двор и бросил железо в ведро возле навеса, попав так, что ведро опрокинулось.

— Не надо было снимать обе, — сказал Савелий. — Верхняя ещё ходила.

— Она на одном шурупе держалась.

— Поэтому и ходила.

Тихон выпрямил ведро и засмеялся. Савелий усмехнулся тоже. Можно было ещё объяснить, что хорошую старую петлю жалко выбрасывать из-за одного шурупа, но тогда пришлось бы идти за ней, очищать от земли и показывать, какая она хорошая. Он не пошёл.

День заканчивался рано. В просвете между домами ещё оставалось светлое небо, а под навесом уже приходилось искать вещи на ощупь. Савелий собрал ключи и положил их в ящик, не закрывая крышку: завтра утром понадобятся снова. У Зинаиды Петровны просела ступенька. Он обещал зайти после обеда, потом занялся калиткой и теперь знал, что ещё один вечер она будет выходить из дома боком, наступая на целую половину доски.

— К Кедровым завтра пойдёшь? — спросил Тихон.

— Утром.

— Я сегодня доску отрезал. Под стеной стоит.

Савелий оглянулся. Доска действительно была там, за тремя длинными обрезками. Он её видел, но решил, что сын приготовил для себя.

— Ты размер-то откуда взял?

— Сходил и померил.

— Там нижний брус смотреть надо.

— Она его тоже показала. И сказала, что ты уже две недели собираешься.

Из кухонного окна донёсся стук. Лариса постучала костяшками по стеклу, затем подняла пустую тарелку. Тихон ответил ей вытянутой ладонью — сейчас. Савелий заметил, что сын опять коротко подстригся. Сзади, возле воротника, оставалась тонкая светлая полоска кожи. В прошлый его приезд она была закрыта волосами.

— Шапку надень, — сказал он.

— До крыльца дойду.

Они пошли в дом. У двери Тихон остановился, чтобы вытереть ноги, и Савелий едва не налетел ему в спину. В детстве сын всегда забегал первым, оставляя от порога до кухни тёмные отпечатки; теперь долго тёр ботинки о старый половик, словно это был чужой дом.

Лариса стояла у плиты в форменной безрукавке, которую не успела снять после магазина. На столе лежали её очки и две упаковки батареек. Савелий сразу понял, для кого одна, но жена придвинула её к нему прежде, чем он успел сказать, что прежние ещё работают.

— В большой фонарь. Ты вчера тряс его над ящиком, я видела.

— Контакт отходил.

— Значит, будут ждать контакта.

Она поставила перед ним тарелку с картошкой, а Тихону подала прямо из сковороды. Рыбу пришлось делить: хвостовую часть Лариса оставила себе, две другие разложила мужчинам. Тихон попытался поменяться с ней, но мать придержала его тарелку.

— Я именно этот кусок жарила себе.

— У тебя там одна кожа.

— Вот её и хотела. Ешь, пока отец не начал помогать.

Савелий потянулся за хлебом. Жена посмотрела на его руки, он показал ей обе ладони.

— Мыл.

— Я ничего не сказала.

— Ты посмотрела.

— Так я на тебя иногда смотрю. Можно?

Тихон подавился смешком и отвернулся. Лариса постучала его по спине, хотя он уже махал, что всё хорошо. Савелий отрезал себе хлеб. В кухне пахло жареной рыбой, мокрой тканью безрукавки и яблоками: ведро стояло у батареи, несколько плодов за день успели нагреться. Яблоки привёз Валерий. Выросли они не у него, и Савелий так и не понял, почему сосед весь вечер рассказывал о дереве, с которого их снимали, словно сам его посадил.

На краю стола завибрировал телефон Тихона. Сын посмотрел на экран и улыбнулся ещё до того, как ответил.

— Мы едим, — сказал он. — Нет, всё нормально. Я тебе потом... Да, спросил.

Савелий поднял голову. Тихон слушал, водя пальцем по крошке возле тарелки.

— Спроси сама, он здесь.

Он протянул отцу телефон. Савелий не взял сразу: пальцы были жирными. Вытер их о салфетку, поднёс трубку к уху и услышал Асин голос:

— Здравствуйте, Савелий Ильич. Он говорил вам про шкаф?

— Про какой шкаф?

Тихон закрыл лицо ладонью.

— Для инструментов, — сказала Ася после короткой паузы. — Нам отдают. Только он высокий, а машина небольшая. Тихон сказал, что вы знаете, как снять верх.

— Покажи какой.

— Я фотографию присылала.

Савелий отнял телефон от уха, и сын развернул к нему нужный снимок. На экране стоял узкий серый шкаф с двумя дверцами. Возле него виднелась половина девушки в домашних брюках. Савелий узнал Асю по руке: она носила большие часы, которые всё время съезжали к ладони.

— Это сварной, — сказал он в телефон. — Верх не снимается. Вам его целиком класть надо.

— А если разобрать дверцы?

— Шкаф ниже не станет.

— Да, я уже поняла, как спросила.

Она засмеялась над собой, и Савелий смягчился.

— Померьте высоту. Найдём, на чём перевезти.

— Спасибо. Только не надо вам специально ехать, мы здесь...

Тихон потянулся за телефоном. Савелий отдал его, не дослушав. Некоторое время сын ещё говорил о шкафе, потом вышел в сени. Оттуда донеслось тихое: «Я сам всё сделаю. Не переживай».

Лариса снимала с рыбы мелкие кости и складывала на край тарелки.

— Ты в четверг отвезёшь? — спросила она.

— Кого?

Она посмотрела на дверь сеней.

— Я думал, он до воскресенья.

— В пятницу ему показывают мастерскую. Говорили же.

Савелий помнил разговор. Помнил и пятницу, и человека, который обещал Тихону работу, и то, что сначала его возьмут на пробу. Но все эти сведения до сих пор не сложились в четверг, когда нужно будет положить сыновнюю сумку в машину.

— Шилов ездит. Можно с ним.

— Можно. Я спрашиваю, ты отвезёшь?

Он отделил вилкой кусок рыбы, нашёл в нём кость и положил его обратно на тарелку.

— Отвезу.

Лариса больше ничего не сказала. От этого стало обиднее, чем если бы она начала объяснять, почему надо радоваться. Савелий не собирался удерживать сына. В Турчасове работы по его специальности всё равно не было столько, сколько нужно молодому человеку, желающему снимать жильё и жить с девушкой. Но он успел представить, как они вдвоём доделают мастерскую к зиме, и теперь сердился на то, что никто, кроме него, этой мастерской не видел.

Тихон вернулся, убрал телефон и сел доедать. Лариса спросила его про Асину смену. Он отвечал охотно, с подробностями о людях, которых родители не знали. Оказалось, у Аси есть начальница, которая боится отправлять документы, пока кто-нибудь второй не проверит дату, и сотрудник, постоянно покупающий слишком маленькие перчатки. Савелий слушал, как сын говорит «у нас там», хотя пока ещё жил здесь.

После ужина Лариса пошла переодеваться. Тихон собирал тарелки, а Савелий вставлял новые батарейки в фонарь. Крышка плохо попадала в резьбу. Он нажал сильнее и услышал:

— Перекосил.

— Вижу.

Сын не стал помогать. Отнёс посуду к раковине и включил воду. Савелий открыл крышку, начал заново; теперь она пошла легко.

Фонарь дал резкий белый свет. Луч лёг на дверцу шкафа, высветил старую наклейку под ручкой. Тихон приклеил её ещё в школе: круглая зелёная голова, смысл которой Савелий никогда не знал. Снять наклейку собирались при каждом ремонте, но она пережила и новую мойку, и смену плитки.

Снаружи хлопнула калитка.

Савелий даже обрадовался: всё-таки слышно. Потом понял, что хлопнула она слишком сильно. Так входили, когда не хотели или не могли придерживать створку.

Он уже поднялся, когда в сени вошла Зинаида Петровна.

— Лариса дома?

— Дома. Заходи.

Соседка остановилась на половике. Платок был завязан поверх домашней кофты; из-под него выбивалась одна прядь, которую она то и дело убирала пальцем.

— Аркадий у вас не был?

— Нет.

— И не звонил?

Савелий достал телефон. Пропущенных не было. Он показал экран, хотя Зинаида из сеней всё равно не могла разобрать.

— А что?

— До двора пошёл. Сказал, доски посмотрит. Я думала, к тебе потом зайдёт.

Тихон выключил воду.

— До Нижнего?

— Ну да. Шилов говорил, там под навесом сухие лежат. Отдал хозяин, бери кому надо. Аркаша всё собирался полку в сарае доделать.

Савелий посмотрел в окно. За стеклом отражалась кухня; чтобы увидеть улицу, пришлось поднести ладонь к лицу.

— Давно ушёл?

— Ещё светло было.

— Во сколько?

Она раздражённо провела пальцем по выбившейся пряди.

— Савелий, я на часы не смотрела. Перед новостями. Я ему сказала: на ночь-то зачем? А он — до темноты вернусь.

Лариса вышла из комнаты уже в домашнем свитере. Ничего не спрашивая, подвинула к соседке табурет. Зинаида не села.

— Телефон дома оставил. Заряжаться. Я ему сто раз говорила.

— У Шилова спросим, — сказал Савелий.

Валерий ответил не сразу. В трубке шумел телевизор, потом звук убавили.

— Доски? Да лежат. Я в пятницу забирал. Рыжов сегодня собирался за остатком.

— Аркадия не видел?

— Сегодня нет. А что с ним?

Савелий объяснил. Валерий предложил подъехать, но голос у него был такой, что Савелий спросил, пил ли он.

— За ужином немного.

— Сиди тогда. Мы с Тихоном посмотрим.

— Я пешком могу.

— Пока не надо.

Зинаида слушала, обхватив себя руками. Лариса поставила перед ней чашку, но соседка только коснулась её краешка.

— Вот ведь дурной. Я бы сама доски принесла, если ему так надо.

— Найдём, будешь ругаться, — сказал Савелий.

Он произнёс это привычно, как говорил людям, когда нужно было выходить и делать, а они оставались стоять с испуганным лицом. Зинаида кивнула. Ей явно стало легче, и Савелий ощутил знакомую неловкую тяжесть от того, как быстро она согласилась ждать.

Тихон уже надевал куртку.

— Возьми свой фонарь, — сказал отец.

— Взял.

— Телефон заряжен?

Сын показал экран.

— Всё взял. Пойдём.

Лариса остановила мужа в сенях и поправила ему воротник, завернувшийся внутрь.

— Позвони оттуда. Даже если ничего.

— Позвоню.

На улице пахло дымом и влажной землёй. В доме Кедровых горели оба окна, а дверь сарая была приоткрыта: Зинаида, должно быть, успела заглянуть и туда. Савелий притворил её по дороге. Кошка выскользнула у него между ног и ушла вдоль стены, не оглянувшись.

До Нижнего двора можно было дойти по колее. Летом здесь ещё проезжали за оставшимся железом и досками, потом перестали: хозяин вывез всё, что считал своим, а остальное разрешил разобрать знакомым. Савелий за последний год был там дважды. Ничего хорошего не взял; доски под открытым небом успели почернеть, а крыша над бывшим скотным помещением держалась на честном слове.

Тихон шёл чуть впереди. Луч его фонаря двигался быстро, выхватывая то лужу, то ветку на уровне лица. Савелий светил под ноги. Они миновали последний освещённый двор, и стало слышно, как вода хлупает в колее после каждого шага.

— Он мог у Рыжова задержаться, — сказал Тихон.

— Мог.

— Там мастерская рядом.

— Сначала здесь посмотрим.

Савелий не хотел говорить, что у Аркадия в последнее время кружилась голова. Зинаида рассказывала Ларисе, та передала ему; сам Аркадий объяснял это очками, которые неправильно подобрали в городе. Он несколько раз обещал сходить ещё раз, но всякий раз находилось другое дело. Сейчас Савелий представлял его лежащим возле досок и сердился на пожилого человека так, словно тот уже сделал всё самое плохое из возможного.

Слева в темноте что-то звякнуло.

Тихон остановился.

— Слышал?

Савелий поднял фонарь. Между деревьями белели тонкие стволы, дальше луч терялся. Ветка над самой колеей качнулась и задела другую.

— Железо где-нибудь, — сказал он.

Они пошли дальше. Через несколько шагов звук повторился: тихий, сухой, с коротким дрожанием в конце. Савелий почувствовал его раньше, чем успел узнать. Будто кто-то очень легко постучал ногтем по его нижнему зубу.

Он сжал челюсти.

— У тебя зуб заболел? — спросил Тихон.

— Нет.

— Ты остановился.

Савелий заставил себя сделать шаг. Потом ещё один. Впереди показалась крыша Нижнего двора — низкая чёрная полоса под небом. Возле неё стояла машина, и Тихон направил фонарь на номер.

— Рыжова.

Дверца со стороны водителя была закрыта. На сиденье лежала свёрнутая куртка, рядом — пакет из магазина. Савелий посветил в кузов: три доски, мешок с чем-то тяжёлым, бухта верёвки. Машина выглядела так, словно хозяин отошёл на минуту и сейчас вернётся, попросит не светить ему в глаза.

— Олег! — позвал Тихон.

Савелий резко повернулся к сыну. Тот удивился.

— Что?

— Не ори пока.

— Почему?

Ответа у него не было. Он посмотрел на навес, на старую стену, на край ворот. Здесь ничего не могло быть общего с тем местом. Другая постройка, другой лес, до которого ещё

надо пройти через заросший участок. Он хорошо помнил, где находилась сторожка. Помнил каждую доску возле двери, хотя много лет старался представлять их только издали.

Тихон двинулся к воротам. Савелий пошёл рядом, удерживая свет на земле. В размокшей колее были следы сапог. Несколько шли от машины, потом среди них появились другие — небольшие круглые углубления, парные, близко друг к другу.

Сын присел.

— Это что?

Савелий наклонил фонарь. В одном углублении отпечатались четыре короткие полосы и ещё одна сбоку. Вода уже заполняла след, но пальцы оставались различимы.

Тихон медленно выпрямился.

— Кто-то упал?

Следующие ладони лежали в грязи дальше. Между ними протянулась широкая смазанная полоса; затем снова виднелись пальцы. Следы уходили под нижний край ворот, где сгнила доска.

Савелий подошёл к створке и потянул за скобу. Ворота не поддались. Он осветил вдоль щели, нашёл проволоку, которой сверху стянули обе половины, и передал фонарь сыну.

— Держи сюда.

Проволока была скручена снаружи. Кто-то сделал это недавно: под пальцами ещё ощущалась чистая поверхность, не тронутая ржавчиной. Савелий начал расправлять концы. Один уколол ему кожу возле ногтя. Он выругался и дёрнул сильнее, отчего вся створка дрогнула.

За воротами послышалось движение.

— Аркадий Матвеевич? — спросил Тихон.

Савелий замер с проволокой в руке.

Изнутри донёсся тяжёлый выдох. Потом кто-то сказал совсем близко, ниже того места, где находилась скоба:

— Тише. Он ещё здесь.

Тихон направил фонарь в нижнюю щель. На мгновение в ней показалась человеческая рука — бледная, испачканная до локтя. Пальцы ухватились за край доски и сразу разжались.

— Кто здесь? — спросил сын.

Савелий уже разматывал проволоку. Кожа возле ногтя саднила, и эта обычная боль помогала продолжать. Нужно было открыть ворота. Просто открыть снаружи, пока человек за ними ещё мог говорить.

Под крышей тихо звякнул колокольчик.

Глава 2. Нижний двор

Последний виток проволоки зацепился за скобу. Савелий отогнул его большим пальцем, почувствовал, как снова разошлась ранка у ногтя, и потянул створку на себя.

Тихон придержал ворота. Отец забрал у него большой фонарь и направил внутрь.

Аркадий Кедров стоял на коленях посреди прохода.

Ладони он широко расставил на земляном полу, голову повернул к свету. На нём была та самая зелёная куртка, в которой он ходил к Савелию за инструментом. Один карман вывернулся, из другого торчал край перчатки. Савелий сперва увидел знакомую одежду и только потом понял, что между её частями что-то не сходится: спина выгнута слишком высоко, локти развёрнуты наружу, а подбородок почти касается груди.

— Аркадий Матвеевич, — сказал Тихон.

Сосед зажмурился.

— Убери свет.

Савелий опустил луч. За Аркадием, ближе к перегородке, ещё двое стояли на четвереньках. Олег Рыжов был без куртки, в тёмной футболке с мокрыми пятнами под мышками. Рядом с ним женщина упиралась в землю одной ладонью, а вторую прижимала к животу. Её длинная кофта волочилась по полу.

Несколько секунд никто не двигался. Савелий слышал, как рядом дышит сын. Потом Тихон поставил свой маленький фонарь на землю у створки и вытащил телефон.

— Я вызываю.

— Вызывай, — ответил отец.

Он сказал это слишком громко. Женщина вздрогнула, и Олег сразу зашептал ей что-то. Савелий поставил фонарь на низкий обломок стены так, чтобы свет шёл поперёк прохода, а не в лица. После этого опустился рядом с Аркадием.

— Что случилось?

Сосед шевельнул губами. Савелий наклонился, но не разобрал ни слова.

— Ты упал?

— Домой, — сказал Аркадий. — Сначала домой.

Он попытался перенести вес на колени и оторвать ладонь от пола. Пальцы поднялись, дрожа, потом вся рука сразу подлومилась. Савелий успел подхватить его под плечо.

Аркадий закричал.

Крик вышел коротким, сорванным. Савелий замер, продолжая удерживать соседа, а тот дёргал головой и пытался вернуть ладонь на землю.

— Отпусти. Поставь.

Савелий помог ему снова опереться. Аркадий несколько раз вдохнул сквозь зубы. На нижней губе у него выступила слюна; он втянул её и отвернулся от Савелия, словно стыдился.

— Не тянуть, — сказал Олег из-за его спины. — Я уже пробовал. Не тяните нас.

Тихон отошёл к открытым воротам. Говорил он быстро, но отчётливо: нашёл троих, в сознании, не могут встать, при попытке поднять сильная боль. Потом замолчал, слушая. Савелий услышал название деревни и объяснение, как проехать к бывшему двору. Сын не пытался описать колокольчик. Он перечислял то, что видел, и от этого происходящее на несколько мгновений стало чем-то, для чего за пределами старого сарая существуют слова и люди.

— Здесь ещё кто-нибудь есть? — спросил Савелий.

Аркадий не ответил. Женщина резко посмотрела в тёмную глубину помещения.

Савелий взял фонарь. Свет прошёл по стойлам, пустым кормушкам, по обвалившейся доске, лежавшей через проход. На дальней стене остался круглый держатель для ведра. В нём ничего не было, но тень от железа казалась слишком большой.

— Кого вы боитесь?

Олег облизнул губы.

— Тот, который нас завёл.

— Мужчина?

— Мужчина был.

— Куда ушёл?

Рыжов повернул голову к боковой перегородке. Плечи его при этом остались неподвижны, и Савелий увидел натянутые мышцы на шее. За перегородкой находилась маленькая пристройка. Раньше там держали мешки и сломанные инструменты; окна в ней не было.

Савелий поднялся.

— Не ходи, — произнёс Аркадий.

— Я посмотрю от двери.

— Не надо.

Тихон вернулся к ним, продолжая держать телефон возле уха. Свободной рукой он оставил отца за рукав.

— Спрашивают, есть ли сейчас угроза. Я сказал, что человек мог остаться внутри. Велят нам самим туда не ходить.

Савелий посмотрел на его пальцы, сжимавшие рукав. Сын держал крепко, как держат того, кто уже начал делать глупость и не собирается останавливаться ради объяснения.

— Ладно.

Он отошёл от перегородки. Пока ещё мог отойти сам, просто переставляя ноги. Савелий внезапно почувствовал собственные колени, привычное усилие в бёдрах, напряжение ступни внутри ботинка. Ему пришлось посмотреть на Аркадия, чтобы перестать следить за каждым своим движением.

Тихон закончил разговор и сказал, что сведения передадут нужным службам. Затем набрал Людмилу Ершову. Он знал её номер с детства: мать не раз посылала его к ней за оставленным пакетом или передать деньги на общий заказ. Сейчас Савелию стало неловко от того, что все нужные номера находятся у сына, тогда как он сам ещё не выполнил единственного обещанного звонка.

Вернув большой фонарь на обломок стены, он вышел из сарая и позвонил Ларисе.

— Нашли.

— Живой?

— Живой. Тут ещё Рыжов и женщина.

— Что с ними?

Савелий смотрел на дверцу Олеговой машины. В стекле отражался открытый проём сарая и слабый свет внутри.

— Не могут подняться. Тихон помощь вызвал. Людмиле сейчас говорит.

— Зинаида сказать?

— Скажи, что нашли. Только сюда её пока не пускай. Здесь...

Он не закончил. В отражении, за его собственным плечом, между створками ворот что-то вытянулось вверх. Савелий резко обернулся.

Тихон стоял у стены с телефоном. Фонарь был направлен на пол. За сыном виднелась пустая часть прохода.

— Что здесь? — спросила Лариса.

— Темно. Люди испуганы. Пусть дома подождёт.

Жена помолчала.

— Я дам ей телефон. Сам скажешь, что живой.

Зинаида взяла трубку не сразу. Савелий слышал, как Лариса повторила ей, что Аркадий найден. Соседка спросила, узнал ли он Савелия, разговаривает ли. Ей нужны были именно эти два ответа. Получив их, она сказала:

— Я сейчас куртку принесу. Он без тёплого ушёл.

— У него куртка есть.

— Зелёная. В ней летом ходит.

Савелий понял, что удерживать её словами бесполезно. Попросил идти с Ларисой, не одной, и остановиться возле машины. Потом вернулся внутрь.

Тихон разговаривал с женщиной. Оказалось, её зовут Надежда Круглова. Она приехала к сестре и пошла искать кошку, которая третий день не появлялась дома. Савелий прежде видел её в магазине, но не знал, местная она или гостя. Сейчас Надежда старалась объяснить, в каком дворе живёт сестра, и сердилась, когда Тихон называл не тот дом.

— С синими рамами. Не с забором. Забор у них всегда серый был.

— Понял. Я ей скажу.

— Скажите, чтобы кошку не искала.

— Вы нашли?

Надежда закрыла глаза.

— Нет. Пусть не ищет.

Тихон посмотрел на отца. Савелий отвёл взгляд к Рыжову.

Олег попытался расстегнуть верхнюю пуговицу на джинсах, но не смог оторвать руку от пола достаточно надолго. Тогда он опустил голову и тихо выругался. Футболка на спине натянулась, открывая полоску кожи над ремнём. Его знобило.

— Куртка в машине, — сказал Савелий.

— Ключи в левом кармане брюк.

Савелий спросил разрешения, достал связку и вышел к машине. В кабине пахло табаком и пролитым кофе. На коврик лежала детская заколка с пластмассовой бабочкой — одна из тех мелочей, которые никто не убирает, потому что каждый думает: другой знает, кому она нужна.

Он взял куртку и маленький плед с заднего сиденья. Под пледом обнаружился пакет с обувью. Савелий не тронул его и закрыл дверцу.

Олег не позволил надеть на себя рукава. Попросил просто накрыть спину, а когда Савелий сделал это, сказал:

— Капюшон накинь. А то сползёт.

Савелий осторожно натянул капюшон ему на голову и расправил куртку вдоль спины. Олег смотрел в сторону, пока работа не закончилась.

— Жене позвони, — сказал он.

— Номер дашь?

— Телефон в куртке. В правом кармане. Только не снимай.

Савелий вытащил телефон из кармана. Олег продиктовал код, потом попросил найти Нату. На экране было несколько Наташ, и Савелий показал ему список. Рыжов ткнул подбородком в верхнюю строчку.

— Эта. С сердцем.

Возле имени действительно стояло маленькое красное сердце. Савелий нажал вызов и поднёс телефон к уху Олега. Тот долго молчал после ответа, потом выговорил:

— Я не приеду пока. Тут со мной... случилось.

Савелий отвернулся, но телефон приходилось держать. Он слышал торопливый женский голос, слышал, как Олег обещает потом объяснить и просит не привозить дочь. На последнем слове голос Рыжова сорвался.

— Я сам позвоню. Не надо ей меня сейчас.

Он закончил разговор и кивнул, чтобы телефон убрали. Савелий вернул его в правый карман куртки, лежавшей поверх спины.

Когда он подошёл к Аркадию с пледом, сосед вдруг попросил:

— Зину не веди.

— Она уже идёт. Тёплое несёт.

Аркадий опустил голову так низко, что лоб почти коснулся земли.

— Ну зачем.

— Она волнуется.

— Я знаю.

Савелий накрыл его плечи. Плед оказался узким, не доходил до колен. Он расправил край, убрал попавший под ткань кусок соломы и заметил на шее Аркадия красную полосу. Она шла поперёк, исчезая под воротом, словно кто-то долго держал его за горло верёвкой.

Савелий не стал трогать полосу.

— Кто это сделал?

Аркадий посмотрел на него снизу вверх.

— Ты слышал?

— Что?

— Звон.

Савелий почувствовал, как язык упёрся в нижние зубы. Хотелось провести по ним, проверить, не шатаются ли. Он удержался.

— Где звонило?

— Не знаю. Я всё время голову поворачивал. А он говорил: не туда. Не туда смотришь.

— Кто говорил?

Аркадий глянул на Тихона, потом снова на Савелия.

— Мужик. Я думал, из тех, кто разбирает. Он сказал, хорошие доски внутри.

— Какой мужик?

Сосед попытался ответить и вдруг перестал дышать. Плечи его поднялись, пальцы прижались к земле. Савелий шагнул ближе, но Тихон уже опустился рядом с Аркадием и позвал его по имени.

Из глубины двора пришёл тот же сухой звук.

Надежда вскрикнула. Олег дёрнул головой, пытаясь оглянуться, и всем телом подался к боковой перегородке. Аркадий тоже двинулся — на ладонях и коленях, коротко, почти не поднявшись над землёй. Плед съехал ему на пояс.

— Стойте! — крикнул Тихон.

Аркадий остановился, но только потому, что сын Савелия оказался перед ним. Пальцы соседа скользнули по Тихонову ботинку, словно искали, куда переставить руку. Его лицо было мокрым от слёз.

— Уйди, — прошептал он. — Я тебя задавлю.

Тихон не отошёл. Савелий схватил его за плечо и потянул в сторону, одновременно отступая сам. Аркадий прошёл между ними ещё полшага. Потом звук прекратился.

Надежда лежала на боку и пыталась снова встать на четвереньки. Олег тяжело дышал, неподвижно глядя в стену. Аркадий замер в проходе, вытянув шею.

Никто из троих не смотрел на Савелия.

Внутри боковой пристройки что-то скребнуло по доскам. Медленно, снизу вверх. Савелий взял фонарь и направил на перегородку. Между досками оставались щели, но свет не показывал ничего за ними. Скрежет поднялся выше человеческого роста, дошёл до самой крыши и смолк.

— Пап, — сказал Тихон.

Савелий уже отступал к воротам. Ему казалось, что он оставил там слишком мало прохода. Нужно распахнуть вторую створку, дать людям выход, пока можно. Поставив фонарь на прежнее место, он выскочил наружу и отодвинул доску, которой снизу подпирали неподвижную половину ворот.

Тихон вышел следом.

— Что ты делаешь?

— Открываю.

— Они не ходят.

— Открой с этой стороны.

Сын упёрся плечом в дерево. Савелий потянул скобу. Ворота подались, с громким стоном отрывая нижний край от грязи. В помещение вошёл холодный воздух, пахнувший листьями, и Надежда неожиданно засмеялась — коротко, без радости.

— Спасибо, — сказала она. — Только нас через них не надо.

Савелий обернулся.

— Почему?

— Он через них выводит.

Во дворе появились два луча. Лариса шла впереди Зинаиды, неся большую сумку. Соседка торопилась, сжимая у груди свёрнутую куртку. Савелий поднял руку, но она уже увидела свет внутри.

— Аркаша!

Он шагнул ей навстречу. Зинаида ударила его свёртком в плечо — нечаянно, просто отталкивая, — и прошла между створками.

Аркадий повернул голову на её голос. Она остановилась, увидев мужа, и некоторое время стояла совершенно неподвижно. Потом присела возле него на корточки.

— Тебя кто?

— Не знаю, Зина.

— Ударили?

— Не знаю.

Она положила куртку на пол, сняла с него сползший плед и накрыла тёплой вещью. Руки у неё двигались быстро, привычно; только когда она попыталась завести рукав ему под грудь, Аркадий застонал, и Зинаида сразу остановилась.

— Так оставь, — сказал он. — Так хорошо.

— Ты замёрз?

— Уже меньше.

Она кивнула. Глаза у неё были сухие. Савелию почему-то стало страшно именно от этого: соседка, которая могла расплакаться из-за пропавшего котёнка, сидела рядом с мужем, согнутым до земли, и внимательно поправляла ему воротник.

Лариса раскрыла сумку. В ней были пледы, чистое полотенце и бутылка воды. Она посмотрела на Савелия, ожидая объяснения, но он указал на Надежду.

— Ей холодно.

Жена пошла к женщине. Тихон забрал у неё один плед и расстелил перед Надеждиными ладонями. Они не пытались её поднимать. Лариса спросила, может ли она сама чуть передвинуть руки на ткань; Надежда сначала сказала, что не может, потом осторожно попробовала и переставила одну.

Савелий стоял возле ворот, слушая голоса. Обычные слова — «подержи», «не здесь», «так лучше» — складывались в работу, которой можно было заняться. Ему тоже нужно было что-нибудь сделать. Он взял оставшееся полотенце, но так и остался с ним в руках, пока снаружи не раздался новый голос.

Людмила Ершова приехала с соседом на легковой машине. Она вошла без торопливых вопросов, попросила не заграждать проход и присела возле Надежды. Посмотрела на её лицо, заговорила с ней, затем повернулась к двум мужчинам. Савелий ждал, что фельдшер назовёт то, что видит, и после этого станет легче хотя бы потому, что у происходящего есть название.

Людмила ничего не назвала.

Она спросила, когда их нашли, кто пробовал поднимать, не было ли потери сознания. Потом вышла к машине звонить и уточнять уже переданные сведения. Перед уходом велела не распрямлять людям руки и спины силой.

— Я не распрямлял, — сказал Савелий.

Тихон посмотрел на него.

— Подхватил под плечо, — поправился он. — Аркадия. Он закричал, я отпустил.

Людмила кивнула и попросила показать потом, как именно это было. Не стала спорить сейчас.

Савелий положил полотенце на край сумки. Большой фонарь всё ещё стоял на обломке стены, светя поперёк прохода. Он взял его и вышел наружу — встретить тех, кто будет подъезжать, объяснил он Ларисе. Она ответила не сразу, занятая Надеждой.

Во дворе стало заметно светлее от машинных фар. Нижний край крыши, прежде сливавшийся с темнотой, теперь выделялся над стеной. Савелий прошёл вдоль неё, проверяя глазами, не вышел ли кто-нибудь из боковой пристройки. Дверь снаружи отсутствовала. Было только маленькое отверстие под самым скатом, куда человек не пролез бы.

На досках ниже отверстия белели свежие царапины.

Савелий поднял фонарь. Четыре полосы шли почти параллельно, затем сближались. Они начинались выше его головы и тянулись к земле, обрываясь у нижнего венца.

Он перевёл свет на грязь.

Следы стояли рядом со стеной. Узкие, длинные, глубоко вдавленные пятки и почти неразличимые передние края. Савелий опустился на одно колено, не касаясь земли руками. В соседней луже отражался освещённый проём ворот. Он увидел в отражении Тихона, который держал куртку возле Рыжова, и Зинаиду, склонившуюся над мужем.

За их спинами внутри сарая кто-то стоял во весь рост.

Савелий вскочил, развернулся и направил фонарь в ворота. Свет ударил Тихону в лицо.

— Что?

Савелий не ответил. За сыном находилась перегородка, возле неё Олег. Никакой фигуры между стойками не было.

— Пап, ты чего?

Он провёл лучом вдоль стены, под крышей, по земле. Потом опустил фонарь и сказал:

— Отойди оттуда. Ближе к выходу встань.

Тихон не двинулся сразу. Смотрел на отца так же, как несколько часов назад возле исправленной калитки, только улыбки теперь не было.

— Скажи почему.

Савелий посмотрел на лужу. Вода дрожала от его собственных шагов, разбивая свет на полосы.

Из сарая донёсся голос Аркадия:

— Зина, если я опять пойду, ты не держи меня руками.

Глава 3. Ровная спина

Лариса никогда прежде не замечала, как трудно разговаривать с человеком, который смотрит снизу. Приходилось либо приседать, либо наклоняться над ним, и оба движения казались ей неправильными: первое — будто она уговаривала ребёнка, второе — будто собиралась что-то отнять.

Ларисин фонарь лежал возле сумки, освещая ножку скамьи. Она передвинула его ногой, чтобы не наступили, и снова присела к Надежде. Та попросила убрать плед из-под правой ладони. Складка впивалась в кожу.

— Сейчас. Вы чуть приподнимите, сколько сможете.

Женщина пошевелила пальцами.

— Не могу. Я же говорила.

Лариса потянула ткань в сторону, расправляя складку снаружи. Надежда сердито следила за её рукой, потом вдруг сказала:

— Извините. Я на вас зачем-то.

— Давит потому что.

— Вы уже третий раз поправляете.

Лариса не считала. Ей казалось, что они всё время делали одно и то же: укрывали этих троих, переставляли свет, задавали вопросы, на которые никто не мог ответить. Муж стоял снаружи, возле ворот, и звал Тихона к себе. Сын наконец отступил от Рыжова и поднял с земли маленький фонарь. Из-под него на ладонь потекла грязная вода.

— Я сейчас вернусь, — сказал он Надежде.

— Сестре...

— Помню.

Тихон подошёл к матери и вполголоса описал дом. Лариса узнала его сразу.

— Фаина. За поворотом, где рябина у забора. У меня номер есть.

Она позвонила. Фаина взяла не с первого раза, слышно было, как задыхается: уже успела сходить к соседям, потом вернулась проверить, не пришла ли Надя. Лариса сказала, где они, что Надежда разговаривает и рядом Людмила. На вопрос, что случилось, ответила:

— Мы ещё не знаем. Ты оденься тепло. И соседку попроси с тобой побыть, пока мы не скажем, куда её повезут.

— Я приду.

— Тут машины будут подъезжать. Если выйдешь, иди по краю, с фонарём. Только сначала послушай: Надя просила кошку больше не искать.

В трубке стало тихо.

— Нашла её?

— Нет. Не нашла.

Лариса повторила просьбу и, закончив разговор, присела к Надежде. Та слышала всё, хотя голову почти не поднимала.

— Фаина дома. Сейчас соседку позовёт.

Надежда кивнула. Её подбородок дрогнул, и Лариса подумала, что женщина заплачет. Но та только попросила вытереть ей нос. Сама попросила, сердито, словно требовала давно обещанную вещь.

Полотенце лежало на краю сумки. Лариса достала из кармана бумажный платок и поднесла к Надеждиному лицу.

— Я сама, — сказала женщина.

Лариса положила платок ей на ладонь, и Надежда сумела зажать его двумя пальцами. Поднять руку к носу не получилось. Они помолчали; потом Лариса снова взяла платок, и на этот раз Надежда не возразила.

У ворот послышался незнакомый мужской голос. Лариса повернулась, надеясь увидеть носилки, но вошёл полицейский — молодой по сравнению с ними, с мокрыми плечами куртки. Савелий говорил ему что-то, показывая вдоль наружной стены. Полицейский слушал, не останавливаясь, затем попросил мужа подождать.

— Щеглов, Антон Юрьевич, — представился он Людмиле и, опустившись возле Аркадия, назвал себя ещё раз, уже тише. — Вы меня слышите?

— Да слышу я, — ответил Кедров. — Что все про это спрашивают.

Зинаида погладила мужа по затылку. Он поморщился, и она сразу убрала руку.

Антон не стал добиваться рассказа. Спросил, был ли здесь ещё человек и может ли оставаться поблизости. Аркадий смотрел в землю, пока Зинаида не повторила вопрос.

— Был. Не знаю, где он.

— Один?

Сосед долго не отвечал.

— Который разговаривал — один.

Лариса ждала, что полицейский переспросит про остальных. Но он лишь посмотрел в дальнюю часть помещения, поднялся и отошёл к напарнику, оставшемуся снаружи. Они обменялись несколькими фразами. Тот пошёл вдоль ограды; Антон вернулся к Людмиле.

Савелий опять потянул его к воротам.

— Там возле стенки следы. Я не трогал.

— Покажете. Сейчас дайте людям место.

Муж отступил. Лариса видела, что ему трудно стоять без дела, и уже собиралась попросить принести из машины ещё что-нибудь, когда вспомнила: их машины здесь нет, они пришли пешком. Ей просто хотелось вернуть его в привычное положение — занятого, знающего, какой конец держать. От этого сделалось неприятно.

Тихон стоял возле Олега и светил на пол. Он не задавал отцу вопросов. Лариса слышала, как сын спросил «почему», и слышала, что Савелий ему не ответил.

К двору подходили люди. Она узнавала голоса прежде, чем лица, — так всегда было в магазине, когда за спиной у стоящего у прилавка начинали обсуждать, кто последний. Сейчас это сходство злило. Один мужчина просунул телефон между стойкой и открытой створкой, стараясь снять так, чтобы не заходить внутрь.

— Убери, — сказал Рыжов.

Мужчина не расслышал.

— Света мало, я просто...

Лариса встала перед его телефоном.

— Он просит не снимать.

— Да я своим показать. Что тут творится.

— Скажи словами.

Он убрал телефон, но остался возле ворот. Антон попросил его и ещё двоих отойти к повороту: там надо было оставить проезд. Мужчина охотно согласился, как будто всё это время ждал подходящего поручения.

Потом всё начало происходить быстрее. Приехавшие медики разговаривали с Людмилой, подходили к пострадавшим, просили освободить место. Лариса вышла наружу с сумкой. Её колени затекли, и при первом шаге она едва не оступилась. Пришлось ухватиться за стойку.

Савелий оказался рядом.

— Замёрзла?

— Нет.

— Домой бы тебе.

Она посмотрела на него. Он стоял близко, и в свете фар было видно, что губы у него белые, словно он долго сжимал их зубами.

— Здесь Аркадий. Куда я домой?

— С ними уже есть кому.

— А ты?

Он повернул фонарь в руке, направив его на собственные ботинки.

— Я след покажу.

Обычно Лариса понимала, когда муж боялся. Во время болезни матери он бесконечно складывал документы в прозрачную папку; если ему говорили подождать звонка, ставил телефон на зарядку, хотя батарея была почти полной. Тогда он не скрывал страх, просто делал с ним что мог. Сейчас Савелий будто хотел, чтобы она ушла раньше какого-то разговора.

— Ты кого-нибудь здесь видел?

— Нет.

Ответ пришёл слишком быстро. Лариса подождала продолжения, и он добавил:

— Толком не видел. Темно было.

— Значит, всё-таки видел?

— Показалось за спиной. Я обернулся — никого.

Он говорил, глядя на её воротник. Лариса перестала расспрашивать. Не потому, что повела: внутри позвала Зинаиду.

Аркадий хотел, чтобы жена забрала у него часы. Ремешок уже расстегнули, но застёжка зацепилась за рукав и мешала снять.

— Уронишь ведь, — говорил он.

— Не уроню.

— В карман положи. Не в сумку, там у тебя...

Зинаида наконец высвободила часы, убрала к себе и показала пустые руки. Лариса узнала этот жест: соседка так отчитывалась перед мужем, когда тот искал винтик от очков или очередную гайку и был уверен, что её смахнули со стола вместе с крошками.

Аркадия готовили к переносу. Он мог оставаться на боку, если не пытался выпрямить ноги, и Людмила помогала приезжим расположить мягкую опору так, чтобы ему не приходилось удерживать себя на руках. Зинаида стояла рядом, кусая губу, пока не выступила кровь.

— Ему так не больно? — спросила она.

— Аркадий Матвеевич, скажите, как сейчас, — обратилась к нему женщина из бригады.

— Терплю.

— Сильнее, чем было?

— Нет. Вы только разом не дёргайте.

— Не будем.

Когда его подняли, Лариса увидела на земле четыре тёмных пятна. Там стояли ладони и колени, и вокруг успела подсохнуть грязь. Зинаида шагнула в одно из пятен, сама не заметив, и пошла рядом с мужем.

У ворот Аркадий зажмурился.

Лариса тоже ждала чего-то. Она ещё не знала, чего именно: крика, судороги, возвращения на землю. Открытые створки вдруг показались ей узкими, хотя люди с носилками проходили свободно.

Аркадий оказался снаружи. Ему поправили край одеяла. Он открыл глаза.

— Зина?

— Здесь.

Его понесли к машине, и Лариса поняла, что всё это время держала сумку двумя руками за одну ручку.

Надежда следила за ними из глубины двора.

— Вышел? — спросила она.

— Вынесли, — ответила Лариса. — Уже у машины.

— А тот?

— Кто?

Надежда ничего не сказала. Только стала дышать чаще. Лариса присела перед ней, заслонив вид на ворота.

— Фаина скоро будет. Вы ей про кошку сами скажете.

Женщина смотрела на неё не мигая.

— Я не про кошку.

— Понимаю.

— Не понимаете вы.

Лариса больше не стала утверждать, что понимает.

Надежду вынесли следующей. Сестра успела к тому времени, когда её устроивали в машине; пришла с соседкой, тяжело дыша, в застёгнутом наперекосяк пальто. Первым делом спросила, где Надин платок. Светлый, в клетку, из хорошей шерсти, он остался неизвестно где. Надежда ответила ей так резко, что Лариса отвернулась, оставляя обоим возможность потом не вспоминать свидетелей.

Зинаида попросила сходить к ней домой и выключить свет в сенях. Ещё закрыть форточку на кухне: она открыла, когда подгорела каша, и забыла. Ключи у неё были с собой. Лариса взяла их, пообещала всё сделать и только после этого заметила, как соседка дрожит.

— Я вам позвоню, — сказала она.

— Лучше я сама. Когда узнаю.

Зинаида полезла за часами мужа, проверила, что они на месте, и забралась в машину, куда ей разрешили сесть рядом с Аркадием.

Олег оставался последним. Он всё время просил подождать жену. Лариса уже сердилась на эту Наташу, хотя знала: ехать надо было из другого конца деревни, оставить с кем-то дочь, собраться, понять, куда именно идти. Потом ей стало стыдно за свою злость. Здесь прошёл почти час с её прихода, а казалось — вся ночь.

Наташа появилась с небольшой дорожной сумкой. На щеке у неё была белая полоска, похожая на след зубной пасты; она машинально стирала её, пока слушала Людмилу, но попадала пальцами ниже.

Олег не дал ей подойти сразу.

— Дочь где?

— У моей мамы.

— Не говорила?

Наташа посмотрела на мужа, потом на Ларису, словно та могла перевести вопрос.

— Сказала, что ты заболел.

— А она?

— Спросила, когда домой.

Олег закрыл глаза. Наташа поставила сумку и присела возле него. Лариса отступила к выходу, собирая по дороге пустые упаковки от платков. Одну никак не удавалось поднять: она прилипла к грязи, выскальзывала из пальцев. Лариса оставила её.

Савелий отдал Наташе автомобильные ключи.

— Рыжов давал куртку взять. Машина тут. Обувь в пакете внутри.

Она не поняла про обувь, но ключи взяла. Сунула в сумку и снова повернулась к мужу.

У ворот Антон спрашивал Тихона, кто первым вошёл и как стояла проволока. Сын отвечал, показывая на скобы. Лариса заметила, что муж перестал смотреть на Олега и теперь следит за этим разговором.

— Снаружи, — говорил Тихон. — Вот здесь. Мы её сняли.

— Вы снимали?

— Отец. Я держал фонари. Потом вместе вторую створку открыли.

— После того как увидели людей?

— Вторую — да.

Савелий подошёл ближе. Лариса успела подумать, что сейчас он поправит какую-нибудь мелочь: какой конец проволоки первым отогнул, кто в какую сторону потянул. Но муж молчал.

Когда Олега стали переносить, он попросил остановиться у выхода. Никто не понял зачем. Он повторил, уже громче, и медики на несколько секунд остановились, чтобы проверить, не стало ли хуже.

— Сапог, — сказал Олег. — Под лавкой.

Низкая скамья стояла возле стены, за распахнутой створкой. До этого Лариса её почти не замечала. Тихон посветил вниз.

Там лежал один резиновый сапог.

Он был старый, с завёрнутым голенищем и комком сухой травы внутри. Тихон уже наклонился, но Антон остановил его и сам подошёл к скамье.

— Ваш?

— Нет. Того.

Лариса посмотрела на мужа. Савелий стоял совершенно неподвижно. Лицо у него теперь было таким, каким становилось, когда он ловил слухом далёкий треск дерева и решал, куда упадёт ствол.

— Того, кто вас сюда привёл? — спросил Антон.

Олег кивнул. Ему приходилось поворачивать голову набок, чтобы видеть сапог, и Наташа попросила не мучить себя, они потом всё расскажут.

— Он переобувался, — сказал Олег. — Другие принёс. Сухие. Мы ему не нужны были уже. Он сказал, теперь можно прямо.

— Кому сказал?

— Себе.

Наташа тронула край куртки, которой укрыли мужа.

— Олеж, поехали. Пожалуйста.

— Он тоже так стоял, — сказал Рыжов. — Когда вошёл. Я думал, пьяный. А потом взялся за стену и встал. У него спина...

Он не договорил. Попытался проглотить слюну, закашлялся и закрыл глаза. Женщина из бригады попросила освободить проход.

Лариса отступила. Савелий тоже отошёл, но головой не повернул: продолжал смотреть на сапог под скамьёй.

Снаружи Наташа спрашивала, куда именно повезут Олега. Ей ответили, и она повторила название, проверяя, правильно ли запомнила. Дальше разговаривали уже у машины; отдельных слов Лариса не разобрала.

Тихон стоял возле отца.

— Пап, ты знаешь, кто это мог быть?

Савелий помедлил.

— Нет.

Лариса сняла с плеча сползшую ручку сумки. Аркадия вынесли, Надежду вынесли, Олега увезут сейчас. Всё, ради чего она пришла, как будто было сделано; можно было идти к Кедровым, закрывать форточку и выключать свет. Она даже вспомнила, что у них дома на плите стоит сковорода, которую Тихон хотел домыть после ужина.

Но уйти не получалось.

Антон присел возле скамьи. Луч его фонаря осветил внутреннюю сторону завёрнутого голенища. Там белела узкая полоска ткани, пришитая грубыми стежками. На ней что-то было написано. Лариса не видела букв со своего места.

Савелий увидел.

Он шагнул к скамье, потом остановился, когда Антон поднял на него глаза.

— Вы что-то хотели сказать?

Муж сглотнул.

— У нас дома иголка была такая. Мешки шили.

Лариса смотрела на его руки. На правой выступила кровь возле ногтя большого пальца. Он заметил её, прижал палец к ладони и спрятал руку в карман.

— Савелий, — сказала она.

Он обернулся.

Ей хотелось спросить, при чём здесь иголка. Но по тому, как муж ждал вопроса, Лариса поняла: он уже приготовился объяснять иголку, мешки, нитку — что угодно, кроме того, что прочёл на белой полоске.

— Я остаюсь, — сказала она.

Глава 4. След под крышей

Тихон прочитал имя, когда полицейский повернул сапог к свету.

Мирон.

Буквы были выведены синим по белой ткани. Последняя почти стёрлась на сгибе, но первые четыре читались ясно. Ни фамилии, ни номера. Такой меткой могли пометить обувь в общей раздевалке, чтобы не перепутать, хотя Тихон давно не видел, чтобы для этого что-то пришивали: писали прямо на резине.

Сапог был левый. У пятки он разошёлся, и через щель просвечивала трава, которой его набили изнутри. Рядом лежал маленький обломок коры.

— Знаете человека с таким именем? — спросил Антон у отца.

Тот кивнул не сразу.

— Знал.

— Фамилия?

— Корсаков. Мирон Алексеевич.

Мать переставила сумку к другой ноге. Тихон посмотрел на неё: она тоже слушала так, будто слышала это имя впервые.

— Где живёт?

— Нигде уже. Пропал он. Давно.

— Насколько давно?

Отец сунул свободную руку глубже в карман.

— В девяносто восьмом.

Антон поднял глаза от сапога.

— Родственники здесь остались?

— Мать умерла. Сестра уехала. Где она, я не знаю.

— Сапог его узнаете?

— Нет. Обувь как обувь. Имя только.

Отец произнёс последнюю фразу отчётливо, и Тихон вдруг вспомнил, как в детстве нечаянно попал камнем в стекло теплицы. Потом объяснял матери, что бросал вообще в другую сторону, в доску, просто отскочило. Каждое слово было правдой, но если поставить их рядом, выходило, будто камень нашёл стекло сам.

Антон спросил, что отец может рассказать об исчезновении. Савелий посмотрел на сына и жену, потом на полицейского.

— Не здесь бы.

— Давайте выйдем.

Тихон хотел пойти следом, но Антон попросил пока отойти к машинам вместе с матерью. Внутри оставаться не стоило: ещё предстояло проверить боковую часть двора. Лариса не стала спорить. Подобрала свой фонарь, осветила место возле сумки, не забыла ли что-нибудь, и направилась к воротам.

Олега уже увезли. Его машина стояла закрытая, без водителя; на мокром капоте отражались фары другой машины. Наташа уехала с теми, кто её привёз, обещав забрать автомобиль мужа позже. Медицинские сумки, одеяла, голоса исчезли почти одновременно. От двора, где только что находилось столько людей, остались низкая крыша и обломанная ограда.

Мать прислонилась к стойке навеса снаружи. Тихон подошёл к ней.

— Ты знаешь про этого Корсакова?

— Савелий рассказывал, что у них тогда двое не вернулись. Про одного я знала: Риммин брат.

— А второй?

— Теперь знаю, как звали.

Тихон с детства слышал про отцовскую вылазку, после которой дядя Валера долго ходил на костылях. Обычно рассказывали, как Савелий тащил его, как заночевали в лесу, как потом искали дорогу. Валерий, когда выпивал, начинал с этой истории и быстро перескакивал к тому, что Савка мужик надёжный, с таким не пропадёшь. Подробности Тихону в детстве были неинтересны: ему больше нравилось трогать длинный рубец на Валериной ноге. Позже трогать стало неловко, а спрашивать он так и не научился.

— Паша, — сказала мать. — Римминого брата Пашей звали. Шестнадцать лет ему было.

Тихон посветил на колею, где в лужах ещё стоял пар от машин. Ему самому в шестнадцать отец не разрешал брать лодку без спроса.

Из-за ограды вернулся второй полицейский. Сказал Антону, что за пристройкой нашли пролом в досках дальнего забора, а дальше следы теряются в траве. Тихон услышал это, потому что тот говорил громко, перекрывая двигатель. Место, откуда можно было уйти, нашлось сразу; никакой запертой ловушки для того, кто ходил нормально, здесь не было.

Отец с Антоном подошли к наружной стене. Савелий показывал царапины под отверстием и узкие отпечатки возле нижнего венца. Антон слушал, потом посветил выше, на край крыши.

Тихон тоже поднял свой фонарь. Луч упёрся в почерневшие торцы досок, прошёл дальше по выступающей поперечной балке. Под ней остался неровный серый мазок.

Он сначала подумал, что там расплющили ком глины, очищая инструмент. Затем увидел пять округлых пятен по одному краю.

— Посмотрите наверху, — сказал он.

Отец поднял голову.

— Где?

— У меня свет. Снизу на балке.

Антон направил туда свой фонарь, и серый мазок стал похож на человеческую ступню. Узкая пятка, перемычка, широкая передняя часть. Большой палец отпечатался отдельно. Остальные сливались в грязную дугу, но их всё равно можно было сосчитать.

След находился на нижней стороне балки.

Тихон подошёл ближе, не заходя под навес. Он доставал до этой балки рукой только в прыжке — знал, потому что прошлым летом помогал отцу вытаскивать отсюда оставшиеся поддоны и цеплялся за неё, подтягиваясь. Отец тогда велел слезть: дерево старое, не хватало ещё голову разбить.

— Ногой туда упирались, — сказал Тихон.

Никто не ответил.

Антон переменял угол света. След не исчез. На древесине возле большого пальца виднелась небольшая щепка, загнутая наружу.

— Можно было повиснуть, — продолжил Тихон. — Сверху ухватиться, а ноги сюда. Если подтянуться.

Отец взглянул на него, и Тихон замолчал. Не из-за запрета: ему показалось, что отец очень хочет услышать продолжение этого объяснения и ждёт, чтобы сын придумал ещё что-нибудь.

Антон сделал несколько снимков. Попросил больше не подходить к стене и к следам на земле, после чего отправил их к матери. Сам с напарником пошёл проверять пустое помещение.

— Наверное, кто-то лазил, — сказал Тихон, когда они отошли. — Тут же разбирают всё понемногу.

— Босиком? — спросила Лариса.

— Может, давно.

Она ничего не ответила. Отец смотрел поверх ограды в темноту, где был пролом.

Звякнул Тихонов телефон. Ася прислала фотографию стены с тремя полосами краски — серой, светло-зелёной и какой-то жёлтой, как остывшая горчица. Под ней написала: «Скажи, что средняя. Я всё равно уже открыла банку».

Тихон несколько секунд смотрел на экран, не понимая, что от него нужно. Потом вспомнил: она собиралась подкрасить стену возле стола в комнате, которую пока снимала одна. Обещала прислать варианты, он обещал ответить до того, как она ляжет спать.

Он написал: «Средняя».

Она ответила почти сразу: «Умный».

Тихон отошёл на несколько шагов и позвонил. Не стал включать камеру.

— Я действительно среднюю выбрал.

— Конечно. Ты даже увеличил фотографию.

Он хотел улыбнуться и понял, что не получается.

— Ась, тут людей нашли. В старом дворе.

На другом конце что-то стукнуло. Она положила инструмент или банку; он не понял что.

— Живых?

— Да. Троих. Увезли уже.

— Ты где сейчас?

— Здесь. С родителями. Полиция ещё.

— Ты сам целый?

— Целый. Я не с ними был, мы нашли.

Ася помолчала.

— Голос у тебя такой. Ты раньше сразу бы сказал, если не целый?

— Сейчас сказал бы.

— Ну ладно. Когда домой придёшь, напиши.

Она не стала спрашивать про пострадавших, и от этого Тихону захотелось рассказать всё — как Олег просил держать телефон, как Аркадий двигался прямо на него и плакал. Он начал с соседа, но слова получились такими, словно тот просто упал и ему помогли подняться.

— Не получается объяснить, — сказал Тихон.

— Потом. Ты сам-то понял?

— Нет.

— Тогда потом.

Он спросил, сильно ли пахнет краска. Ася сказала, что уже открыла окно, но долго не продержит: холодно, и одна простыня ещё сохнет на верёвке. Нужно было переставить сушилку, отмыть валик, закончить обычный вечер. Тихон слушал и жалел, что не находится там, где можно просто помочь с сушилкой.

После разговора он вернулся к родителям. Мать рассматривала ключи Кедровых, отыскивая нужный по насечке на головке. Отец куртку не застёгивал, хотя стоял на ветру.

— Пойдёмте, — сказал Тихон.

Лариса посмотрела на мужа.

— Ты что Антону рассказал?

— Что знал Мирона. И где пропал.

— Где?

— За старым вырубом. Я потом покажу.

— Я не дорогу спрашиваю.

Тихон ожидал, что отец рассердится. Но Савелий только провёл большим пальцем по нижней губе и поморщился, вспомнив про ранку.

— Мы тогда там ночевали. В сторожке. Не все вышли.

Мать долго смотрела на него. Потом поправила ручку сумки и сказала:

— Дома договорим.

Антон вернулся из двора. Они с напарником никого не нашли. Сказал об этом коротко, без облегчения, ещё раз записал телефоны и попросил не ходить ночью искать того человека самим. Отец хотел что-то добавить, но Антон опередил:

— Если вспомните, что может помочь, звоните сразу. До утра ждать не нужно.

Савелий кивнул.

Они пошли втроём. Тихон держался возле матери, потому что она устала и на неровной колее ставила ногу осторожнее, чем обычно. Отец шёл с другой стороны, направляя свет вперёд. Никто не предлагал срезать дорогу через дворы.

У Кедровых Лариса открыла калитку, потом сени. На столике у окна лежали очки Аркадия и раскрытая газета. Тихон увидел телефон, подключённый к зарядке: маленький зелёный огонёк горел возле разъёма. Сосед, наверное, собирался зайти за досками и вернуться к ужину. Даже очки не взял.

Савелий остался у наружной двери. Мать закрыла кухонную форточку, проверила плиту и вернулась в сени. Пока она доставала ключ, отец спросил:

— Зина потом позвонит?

— Обещала.

— Скажи, что ступень я сделаю. Завтра.

Лариса посмотрела на его ботинки, стоявшие как раз на расколотой доске.

— Сделай сначала.

Она погасила свет и заперла дом. Тихон подождал на крыльце, пока родители выйдут за калитку, затем осторожно нажал ногой на треснувшую ступень. Доска прогнулась. Ему захотелось прямо сейчас принести ту, которую они отрезали, и заменить, чтобы утром хоть это было готово. Он уже открыл рот, но увидел, как мать идёт впереди, чуть ссутулившись под сумкой, и промолчал. Можно было вернуться утром.

Дома первым делом написали Асе, что дошли, — вернее, написал Тихон, стоя посреди сеней в мокрой обуви. Мать ушла на кухню. Отец вымыл руки, долго тёр ногти щёткой и, не вытираясь, достал телефон.

— Валера спит? — спросила Лариса.

— Не знаю.

— Почти ночь уже.

Савелий набрал номер. Тихон снимал ботинки, прижимая пятку одного носком другого, и слушал длинные гудки.

Валерий ответил. Отец сказал ему, что Аркадия нашли, и попросил завтра зайти. Помедлил, глядя на чёрное кухонное окно, потом добавил:

— Сапог тут был. С именем.

Отец отвернулся, и Тихон не разобрал ответа. Слышал только, что Валерий что-то переспросил.

— Мирон, — сказал отец. — Написано «Мирон».

Он выслушал ответ и убрал телефон от уха, не отключая. Посмотрел на экран, словно разговор оборвался.

— Что? — спросила Лариса.

Отец снова поднёс трубку к уху.

— Откуда ты знаешь, что левый?

Глава 5. Та осень

— Я его в пятницу видел, — ответил Валерий. — Сапог этот. Когда доски грузил. Савелий прижал телефон крепче.

— Где?

— Возле ворот валялся. Я сперва подумал, мой старый. У меня такие были, с красной полоской наверху. Взял, а там имя.

— И ты не сказал?

— Кому сказать? Тебе позвонить, что резинку рваную нашёл?

За Савелиевой спиной работал кран. Лариса мыла чашку, хотя чистые стояли на полке. Он посмотрел на сына: Тихон сидел в сенях, стягивая мокрый носок. Кожа на пятке была белой, сморщенной.

— Ты там кого-нибудь встретил?

— Нет. Я ж тебе говорил, никто не разбирал в тот день. Сложено уже было.

— А сапог куда дел?

— Под лавку сунул. Чтоб не спотыкаться.

Савелий закрыл глаза. Следовало спросить ещё что-то, но он не мог выбрать вопрос. В пятницу у ворот уже лежала вещь с Мироновым именем. В пятницу они с Тихоном покупали петли, ругались из-за того, что сын забыл измерить ширину скобы, и потом ели горячие пирожки прямо в машине, обжигаясь капустой. Савелий жаловался на цену; Тихон сказал, что за такую цену капусту можно было бы остудить.

— Слышь, — произнёс Валерий. — А что там случилось-то? Говорят, троих нашли.

— Нашли.

— Били их?

Савелий смотрел на распухшую кожу возле ногтя. Из ранки сочилась прозрачная жидкость.

— Не могли встать.

Валерий молчал так долго, что пришлось переспросить, слышит ли он.

— Слышу. Ты не уходи никуда. Я утром приду.

— Антону расскажи про пятницу. Полицейскому. Номер сейчас пришлю.

— Расскажу.

— Не потом. Сейчас позвони.

Валерий выдохнул в трубку, но спорить не стал. Савелий отправил ему номер Щеглова, сохранённый после разговора у двора, и положил телефон на стол. Тут же взял снова: на экране появилась серая капля, вода с его пальцев. Он вытер её о футболку.

— Он видел сапог вчера, — сказал Савелий жене. — Сам под лавку убрал.

Лариса выключила воду.

— А ты раньше такой видел?

— Были у Мирона похожие.

— Похожие или те?

— Не знаю. Двадцать семь лет, Лара. Резина бы рассыпалась.

— Ты на резину так посмотрел?

Савелий сел. Стул стоял не там, где обычно; пришлось подвинуть его вместе с собой, и ножки громко царапнули пол.

— Тряпка эта, — сказал он. — С именем. У него была. Римма подписывала.

Лариса поставила чашку на стол.

— Римма знает, что вы нашли?

— Нет ещё.

— Позвони ей.

— Утром. Сейчас зачем пугать?

Жена посмотрела на него, и он понял, как это прозвучало. Валерия будить можно. Говорить с полицейским среди ночи можно. А Римму, которая двадцать семь лет не спрашивала лишнего, пусть пока не тревожат.

— Я сам с ней поговорю, — сказал он.

— Я и прошу тебя самого.

Тихон вошёл на кухню босиком, с носками в руке. Спросил, можно ли ему в душ, и мать кивнула. Она даже не велела убрать грязные вещи в таз. Сын оглянулся у двери, потом всё-таки ушёл.

Савелий нашёл Риммин номер. Она ответила сонно, но после первых двух фраз перестала переспрашивать. Сказала, что придёт завтра к Ларисе. Он попробовал объяснить, что пока неизвестно, чья вещь, что имя мог написать кто угодно.

— Ты мне это для чего говоришь? — спросила Римма.

— Чтоб не думала раньше времени.

Она помолчала.

— Я утром буду.

Закончив разговор, Савелий положил телефон экраном вниз. Лариса сидела напротив, и ему некуда было смотреть, кроме как на неё или на собственные руки.

— Что там тогда произошло? — спросила она.

Он мог снова рассказать про дождь. Про раненую ногу Валерия, про то, как они с Риммой тащили его до дороги. Всё это было. За двадцать семь лет настоящие подробности легли так плотно, что между ними почти не оставалось места для двери.

Дверь он помнил отдельно.

Не стал её открывать в разговоре и сейчас.

— Мы пошли за клюквой, — сказал Савелий. — Впятером. Паша увяз, пока выбирались, стемнело. Пришлось остаться в сторожке.

— А дальше?

Савелий провёл ладонью по столешнице. Возле локтя высохла капля чая, оставив липкий край.

— Дай мне до утра, Лара.

Она отодвинула чашку.

— Я тебя слушать могу и ночью.

— Знаю.

Лариса не сказала больше ни слова. Он услышал, как в ванной пустили воду, как Тихон уронил на пол что-то лёгкое и пластиковое. Собственный дом был полон звуков, которые ничего от Савелия не требовали. Он оставался за столом, пока жена убирала сковороду, оставшуюся после ужина.

* * *

Осенью девяносто восьмого Римма взяла с собой иголку и катушку белых ниток, потому что младший брат снова порвал карман.

Паша стоял возле ворот, отвернув голову, пока она зашивала куртку прямо на нём. В дырке торчал кусок бересты, из которого тот собирался сделать ножны. Ножа у него не было. Мирон обещал дать свой на болоте, если Паша перестанет спрашивать каждые пять минут.

— Почему белыми? — спросил Паша.

— Чтоб видели, какой у тебя карман хороший.

— Он чёрный.

— Теперь нарядный будет.

Савелий заканчивал привязывать к рюкзаку пустые вёдра. Валерий хотел сунуть в одну бутылку, завернутую в газету; Савелий отобрал и положил в его собственную сумку.

— Сам и понесёшь.

— Я же на всех.

— Тогда всем и наливай из своей.

Валерий засмеялся. Ему было двадцать шесть, и он относился к Савелиевой серьёзности снисходительно, хотя дорогу спрашивал у него. Мирон обычно шёл последним, подбирая то, что остальные роняли. За это Савелий называл его завхозом; Мирон соглашался, потом при случае возвращал потерянную вещь перед всеми и спрашивал, где расписаться в выдаче.

В тот день он пришёл в сапогах своего дяди. Сапоги были велики и одинаково тёмные, как у половины деревни. У левого сапога надрывался край голенища. Римма, закончив с Пашей, взялась за этот надрыв: прошила его через сложенную вдвое полоску от старой наволочки.

— Надпиши ещё, — попросил Мирон.

— Ты фамилию свою забыл?

— Пока помню. Но к вечеру устану.

Паша достал из кармана ручку. На колпачке белела обгрызенная полоска. Римма хотела написать «Корсаков», но Мирон забрал у неё ручку.

— Имя только. Фамилия длинная.

Буквы он вывел сам, крупные, с кривой последней «Н». Чернила поплыли по ткани. Мирон подул на них, хотя от этого ничего не изменилось, и вернул Паше ручку.

Савелий помнил эту подробность лучше других: написал всё-таки Мирон, не Римма. Только что на кухне он ошибся, и жена не могла его поправить.

Второй сапог оставили без метки. Мирон сказал, что правый найдёт возле левого, если они к вечеру не поссорятся.

Римма спрятала иголку в бумажный свёрток. Паша немедленно засунул в зашитый карман бересту.

До болота дошли к полудню. Над соснами ещё было светлое небо, и первые полчаса никто не жаловался на холод. Ветер пошёл позже, когда они разошлись по кочкам. Савелий видел то Риммин красный платок, то Валерину спину; Мирон и Паша держались ближе к редкому березняку.

Клюква в тот год лежала низко, приходилось раздвигать мокрую траву. Савелий набирал горсть, ссыпал в ведро, снова наклонялся. Через час спина устала, через два он перестал думать о ней. Рядом иногда появлялся Мирон, показывал крупную ягоду или спрашивал, сколько уже набрано. Потом уходил к Паше. Савелию это мешало: вместо того чтобы собирать спокойно, он всё время сравнивал своё ведро с чужим.

Римма набрала больше всех. Закрыв ведро куском ткани, она начала торопить остальных. Паша ещё возился с ножом у берёзки — Мирон всё-таки дал ему свой, и теперь мальчишка подгонял к рукояти берестяной чехол.

— Домой дойдёшь, там закончишь, — сказала сестра.

— Сейчас.

— Слышал? Домой.

Он сделал вид, что не расслышал, и Мирон сам забрал нож. Не сердясь, протянул руку ладонью вверх и ждал, пока Паша вложит рукоять. Тот немного посопротивлялся взглядом, но нож отдал. Мирон убрал его в кожаные ножны у себя на поясе.

К тому времени набежали тучи. Валерий предложил вернуться прежней дорогой, где они оставили на развилке сломанную ветку, но Савелий показал поперёк болота.

— Через гривку короче. Там сухо дальше.

— Ты ходил? — спросил Мирон.

— Ходил.

Он действительно ходил там весной с отцом. Только заходили они с другой стороны, а на болоте несколько низких сосновых островков походили друг на друга. Савелий не считал, что может перепутать: видел впереди нужную высокую сосну с двумя вершинами и был уверен, что помнит её.

Римма подняла ведро обеими руками.

— Если короче, пошли. У меня пальцы уже не сгибаются.

Савелий повёл их за собой. Сначала земля держала хорошо. Потом кочки стали реже; приходилось выбирать, куда поставить ногу, и передавать вёдра через широкие полосы воды. Мирон шёл рядом с Пашей, придерживая за локоть, хотя тот сердился и отдёргивал руку.

Валерий наступил в воду выше края сапога. Выругался, остановился выливать. Савелий ждал его на кочке и смотрел на высокую сосну. Теперь из-за её ствола показалась вторая — оказалось, верхушки принадлежали двум деревьям, стоящим близко. Он понял, что ошибся островком, но не сказал. До сухого оставалось совсем немного. Признание уже ничего не меняло бы, кроме разговоров.

Паша провалился не там, где было темнее всего. Он поставил ногу на ровную светлую траву, и она ушла вниз вместе с ним. Ведро ударилось о кочку, ягоды высыпались. Мальчишка вскрикнул, попытался оттолкнуться другой ногой и сел в воду.

Римма бросила своё ведро и шагнула к нему. Савелий успел схватить её за пояс куртки.

— Стой!

Она дёрнулась так сильно, что он едва не упал следом. Мирон оказался с другой стороны. Лёг на живот, высвободил правую руку из рукава куртки и протянул пустой рукав Паше.

— Держи рукав. Не руку, рукав!

Паша схватил его обеими руками. Голова у него торчала над водой, рот был открыт. Он не кричал, только втягивал воздух короткими рывками.

Савелий отпустил Римму и обошёл их по кочкам к березняку. Сломал длинную сухую ветку. Валерий сначала схватился за другой конец, потом понял, что Савелий несёт её к Мирону, и помог повернуть между стволами.

Мирон уже сползал в сторону провала. Под его животом проступила вода; Паша висел на рукаве, прижимая ткань к подбородку. Римма держала Мирона за пояс, упираясь коленями в сырую траву, и плакала от злости, повторяя брату, чтобы он перестал дёргаться.

Савелий опустил ветку поперёк между двумя кочками. Они с Валерием придавили один конец, Мирон переложил на неё левую руку и смог подтянуться выше. Пашу тянули медленно. Тот пытался помогать, но только сильнее сучил ногами под водой, и Савелий велел ему замечать.

— На меня смотри. Пашка, слышишь? Не вниз.

Мальчишка поднял глаза. На лбу у него приклеилась травинка. Савелий зачем-то запомнил, как она дрожала при каждом вдохе.

Когда Пашу вытащили на траву, один сапог остался в трясине. Римма обняла брата, тут же оттолкнула, чтобы увидеть лицо, и ударила ладонью по мокрому плечу.

— Зачем ты туда полез? Зачем?

— Хватит, — сказал Мирон.

Он сидел рядом, держась за вывернутый рукав. Паша всё ещё сжимал его пальцами. Мирон осторожно разжал одну руку мальчишки, затем вторую.

— Я что, полез? — спросил Паша у сестры. — Я же шёл.

Римма перестала говорить. Поднесла его ладони к своему рту, стала дуть на них. Савелий посмотрел на рассыпанную клюкву: тёмные ягоды лежали и на сухом мху, и в воде, а две плавали у носка потерянного сапога, который ещё можно было различить в провале.

Валерий предложил достать сапог веткой.

- Потом, — сказал Савелий.
— Какое потом? Не вернёмся же.
— Значит, оставь.

Он проверил дорогу к берёзкам, выбирая место для каждого следующего шага. Пашу перевели вдвоём с Мироном; Римма несла его сумку, Валерий собирал оставленные вёдра. За вещами пришлось возвращаться ещё раз. Никто больше не спорил о том, кто набрал больше.

В лесу Савелий велел мальчишке снять мокрую куртку. Тот отказывался: боялся, что на ветру станет холоднее. Мирон снял свою — она промокла спереди, но спина осталась почти сухой — и отдал ему. Сам остался в свитере. Римма выжимала братнину одежду, Валерий разулся и отдал Паше один сухой носок из запасной пары.

Савелий нашёл в сумке пакет, обернул им Пашиную стопу поверх носка и перевязал половиной ткани. До жилья в таком виде было не дойти. До сторожки, если он правильно помнил поворот за гривкой, оставалось гораздо ближе.

Мирон выслушал его молча.

— Теперь точно знаешь?

Савелий посмотрел на Римму. Она выжимала воду из рукава и не поднимала головы.

— Знаю. Там печка есть.

— Ты только скажи, если опять не уверен.

— Уверен я.

Мирон проверил узел на Пашиной ноге. Подтянул, подложил край носка под ткань, чтобы не тёрло, и поднялся.

Они вышли к сторожке уже под дождём. Она стояла в стороне от старой просеки, за низким бурьяном. Крыша просела с одного края, но в окне сохранились стёкла. На наружной двери висел засов, отведённый в сторону; поперёк скобы кто-то заткнул маленькую щепку, чтобы железо не сползло.

Савелий первым поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Внутри пахло сырým деревом, холодной золой и давно не стиранной одеждой. В сенях под ногами лежала солома, хотя скот сюда водить было незачем. Из комнаты виднелась чёрная печная дверца.

Он проверил печь, выгреб из топки мокрую бумагу и показал Валерию, где сложены дрова. Мирон довёл Пашу до лавки и усадил; Римма помогла брату стянуть мокрые брюки. Савелий бросил на стол сумку. Он всё-таки привёл их туда, куда обещал. Сейчас затопят, обсохнут, утром нормально выйдут.

В сенях Мирон переобувался в сухие носки. Сапоги поставил у стены. Белая нашивка с именем на левом была чистая: на болоте грязь не поднялась до самого верха.

— Смешно, — сказал он.

Савелий обернулся.

Мирон сидел на краю низкого сундука и смотрел вверх. Савелий проследил за его взглядом. На нижней стороне потолочной балки темнел след босой ноги.

— Как это надо извернуться, — сказал Мирон. — Головой вниз висеть, что ли?

Савелий поднял руку и потёр пятку следа. Под пальцами осталась сухая серая пыль. Давно наступили. Или приложили грязную ногу к балке ещё до того, как строили, когда она лежала на земле.

— Шутит кто-то, — сказал он.

Мирон кивнул, натянул носок и пошёл смотреть Пашины ножны. Мальчишка упрямо гнул бересту, стараясь сделать устье пошире. В комнате уже затрещали первые щепки. Римма поднесла защитный карман к окну, проверяя, не разошёлся ли опять её шов, затем повесила мокрую куртку брата на два гвоздя у печи.

Савелий задержался в сенях. Стертая им пятка стала заметно светлее, а пальцы остались тёмными. Самый маленький отпечатался отдельно от остальных, чуть сбоку.

Он поднял один из Мироновых сапог и прижал подошвой к нижней стороне балки, рядом со следом. Разницу увидел сразу: босая нога оставила отпечаток гораздо длиннее подошвы. Савелий убрал сапог на место и закрыл наружную дверь от дождя.

Засов остался с другой стороны.

Глава 6. Чужие сапоги

Наутро Савелий проснулся от стука. Тихон в сенях вытряхивал грязь из высохшего ботинка, ударяя подошвой о подошву другого. Обычный звук, знакомый до такой степени, что Савелий сначала собрался сказать: выйди на крыльцо, сколько можно сорить. Потом вспомнил, где сын вчера набрал эту грязь, и промолчал.

Лариса сидела на кухне с телефоном. Он ещё не видел её, но по паузам в разговоре понял, что звонит Зинаида.

— Я закрыла. И свет выключила... Нет, ничего не нужно. Ты сама ела?

Савелий оделся и вышел.

— Что говорят?

Лариса подняла ладонь, прося подождать. Он поставил чайник, достал две чашки; потом убрал одну, заметив, что у жены уже стоит своя.

Зинаида разговаривала долго. Лариса только изредка отвечала, а закончив, некоторое время смотрела на экран.

— Аркадий лежит. Ноги не выпрямляет пока. Но сам голову поворачивает, руки отводит. Говорит, ночью уже не тянуло никуда.

— А остальные?

— Про Надежду не знает. У Олега жена там, они пока не разговаривали.

Савелий налил воды. Хотел спросить, что решили врачи, но жена сама сказала:

— Обследуют. Я не стала Зину выпрашивать, она и так одно и то же всем повторяет.

Он сел напротив. Лариса убрала телефон в карман домашнего халата.

— Ты до утра просил. Утро.

Чайник ещё шумел, и Савелий некоторое время слушал его, словно должен был дожждаться тишины.

— Сейчас Валера придёт. И Римма.

— Тебе обязательно, чтоб вместе?

— Они там тоже были.

Лариса потёрла переносицу. Савелий заметил возле её глаза красную полоску от подушки: жена, наверное, спала совсем недолго.

— Ты мне расскажи то, где был ты.

Из сеней вошёл Тихон. Остановился возле стола, переводя взгляд с одного на другую.

Савелий не мог начать при нём. Почувствовал это так ясно, что даже не попытался придумать причину. Сын взял ломоть хлеба, нашёл масло и принялся намазывать, стоя у шкафа. Никуда уходить не собирался.

— В сторожке человек был, — сказал Савелий. — Мы не сразу его увидели.

Лариса ждала.

— Мы вечером легли. Паша у печи, Валера у дальней стены. Я ночью проснулся — Римма Пашу зовёт. Потом в сенях ударилось что-то. МIRON уже у двери стоял. Там кто-то был.

Тихон перестал водить ножом по хлебу.

— И кто?

Савелий поднёс чашку ко рту. Чай оказался слишком горячим, он поставил её, не отпив.

— Я потом расскажу. Сейчас не могу.

— Ты только начал, — сказала Лариса.

— Знаю.

Она откинулась на спинку стула. Савелий ожидал ещё одного вопроса, но жена посмотрела на сына и заговорила о другом: где доска для Кедровых, та, которую вчера отпилили. Тихон ответил, что у навеса.

— Я пойду сделаю, — сказал Савелий.

Лариса не задержала. Он вышел, испытывая стыд от облегчения, с которым взялся за чужую ступень.

Снаружи моросило. Тихон помог принести доску и инструменты. Старую ступень сняли вместе; один конец сгнил до мягкой трухи, хотя сверху доска казалась только треснувшей. Савелий поддел её гвоздодёром, вытащил длинные рыжие гвозди и отложил в ведро, чтобы никто не наступил.

— Теперь встань, — сказал он сыну, закрепив новую доску.

Тихон перенёс на неё вес, потом качнулся на носках. Ступень не прогнулась.

— Нормально.

Савелий сам проверил края, провёл ладонью по углу и убрал шуруповёрт в сумку. Нужно было ещё подобрать щепки. Тихон отнёс ведро с гвоздями к их навесу и вернулся с пакетом для мусора.

Валерий шёл по улице без шапки. Остановился у Кедровской калитки, посмотрел на новую ступень.

— Успели уже.

— Давно надо было, — ответил Савелий.

Они поздоровались за руку. Валерий пожал слишком сильно и сразу отпустил, заметив ранку на пальце. Сегодня он не хромал, но Савелий всё равно посмотрел на его правую ногу.

— Антону звонил?

— Звонил. Он меня утром ещё набрал. Сказал, подъедет позже.

— Что спросил?

— Про сапог. Про то, кто доски разрешил взять. Всё рассказал.

Валерий потянулся за сигаретами, увидел, что Савелий следит за его рукой, и сунул пачку обратно.

— Сам что думаешь?

Тихон стоял возле крыльца. Валерий заметил его не сразу, кивнул, сказал «здорово» и замолчал. Савелию вдруг захотелось ударить его за это молчание: оно выдавало их обоих лучше любых слов.

— Римма идёт? — спросил он.

— У вас уже. Я с ней по дороге встретился, она к Ларисе пошла.

Савелий собрал остатки доски. Гвоздодёр лежал поперёк верхней ступени; он поднял его, собираясь отнести вместе с сумкой.

Тихон посмотрел мимо отца, вдоль улицы.

— Это кто?

За огородом Кедровых шёл человек. Там оставался узкий проход между забором и пустым участком, заросшим малиной. По нему иногда ходили к реке, хотя после дождя было скользко. Со стороны улицы пустой участок тоже закрывал штакетник; его угол находился в нескольких шагах от Кедровской калитки. Человек держался ближе к огородному забору, касаясь его плечом. Голова у него была опущена.

Савелий узнал Николая Таланова. Несколько лет назад ставил ему погребную дверь, потом ещё дважды приходил исправлять перекошенную петлю. Таланов каждый раз встречал его одинаково: говорил, что сам сделал бы, только инструмент не тот. На третий раз Савелий принёс ему свои свёрла и оставил. Дверь после этого больше не заклинивало.

Сейчас на Николае были старая телогрейка и резиновые сапоги разной высоты. Левый почти доходил до колена, правый был обрезан. Штанины торчали сверху мокрыми жгутами.

— Коля! — позвал Валерий.

Таланов остановился. Повернул голову, но не сразу нашёл их взглядом.

— Вы откуда?

— Отсюда, — сказал Валерий. — Ты чего?

Николай посмотрел на дом Кедровых. Потом на Савелия.

— Я к своему шёл.

Савелий поставил сумку на крыльцо. В руке остался гвоздодёр. Он не заметил этого, пока железо не стукнуло по калитке.

Таланов пытался перешагнуть мелкую канаву, отделявшую проход от улицы. Поднял ногу, не донёс до края и поставил обратно. Повторил. Его правый сапог зачерпнул воду.

— Подожди, — сказал Савелий.

Он обошёл угол забора и протянул Николаю руку. Тот схватил её, но вместо шага вперёд только сильнее согнулся в пояснице. Пальцы были холодные и очень крепкие.

— Я сам, — сказал Таланов. — Ты не тани.

Савелий сразу ослабил хватку. Вспомнил крик Аркадия, свою ладонь у него под плечом.

— Где ты был?

— Там.

— Где там?

Николай повернул голову обратно, к проходу. За ним никого не было. У малины колебалась от дождя длинная голая ветка.

— Мужик пришёл. Вчера. Колесо, говорит, застряло. Помочь надо вытолкнуть. Я пошёл.

Тихон подошёл к ним со стороны улицы. Савелий попросил его позвонить Людмиле и вызвать помощь. Сын уже держал телефон.

— Слышал, — ответил он. — Звоню.

Валерий принёс со двора короткую доску, положил через канаву.

— Вот, теперь шагни. За меня держись.

Николай смотрел на доску так, словно ему предлагали перейти реку по одной жерди. Он переставил левую ногу. Потом правую. Сапог с коротким голенищем болтался на стопе.

Когда он оказался на улице, Савелий выдохнул. На мгновение стало легче: человек стоял перед ними, разговаривал, только весь вымок. Его можно было увести в тепло, посадить, спросить толком.

— Пойдём к нам, — сказал Савелий. — Здесь рядом.

— Мне к своему надо. Домой.

— Сначала обсохнешь.

Николай попытался шагнуть, но колени у него подогнулись. Савелий поставил гвоздодёр к столбу и вдвоём с Валерием поддержал Таланова за туловище. Тот застонал, и они остановились, давая ему самому выбрать положение. Николай упёрся ладонями себе в бёдра, не позволяя согнуться ниже.

— Сядем? — спросил Савелий.

— Не могу я сесть.

Из дома Сухановых вышла Лариса. За ней на крыльце появилась Римма, в пальто поверх светлой кофты. Она застёгивала пуговицу, словно собиралась уходить, но, увидев их, остановилась.

Тихон говорил по телефону. Лариса подбежала к нему, выслушала несколько слов и вернулась за стулом. Савелий хотел сказать, что Николай не садится, но стул всё равно мог пригодиться как опора.

Таланов снова посмотрел в проход между заборами.

— Сапоги снимите, — прошептал он.

— Мокрые?

— Чужие они. Я свои снял там. Он эти дал.

Савелий присел возле его ног. Придержал короткое голенище, спросил, может ли Николай поднять пятку. Тот попробовал. Из сапога потекла вода.

— Он сказал, в этих домой дойду, — говорил Таланов. — Я думал, отпустил. Я ещё спасибо...

Он не закончил.

Савелий почувствовал движение раньше, чем услышал: чужая нога дёрнулась у него в руке, повернулась носком к пустому участку. Николай вскрикнул. Валерий схватил его поперёк груди, стараясь удержать на месте.

Над краем штaketника показалась белая дуга.

Она поднялась со стороны пустого участка, медленно, без толчка, как поднимают над водой длинный шест. Один конец исчезал между тёмными стволиками малины. Второй, изогнутый, навис над Николаевым плечом.

Савелий видел на белой поверхности бурые полосы и мелкие отверстия, выстроенные неровной цепочкой. Дуга не была гладко выстроганным деревом. Она заканчивалась коротким раздвоением, похожим на сустав без хряща.

— Валера, назад!

Тот отступил, продолжая держать Николая. Белое окончание скользнуло по вороту телогрейки, зацепило ткань под шеей. Савелий увидел, как одежда натянулась. Лицо Таланова стало багровым.

Он схватил гвоздодёр у столба и ударил по дуге, выше того места, где она касалась человека.

Звук вышел глухой, короткий. Будто ударили по толстому сырому корню.

Николай закричал. Его правая рука, которой он только что держался за Валерия, обмякла; в предплечье под тканью возник неровный угол. Савелий смотрел на этот угол и не понимал, откуда он взялся. Железо ударило далеко от руки.

Дуга осталась целой.

Валерий присел вместе с Николаем, чтобы не дать ему упасть, и белый крюк потянул телогрейку выше. Ворот упёрся Таланову под подбородок. Тот хватал воздух ртом.

Савелий поднял гвоздодёр ещё раз.

— Не бей! — закричал Николай. — Не надо!

Он остановился.

Между досками забора мелькнули пальцы. Длинные, обтянутые кожей того же серого цвета, что сырая древесина. Они держали дальний конец дуги. Савелий не увидел ни рукава, ни лица — только кисть, вытянутую через просвет выше человеческого плеча.

Рядом оказался Тихон. Он больше не говорил по телефону; убрал его в карман, опустился с другой стороны от Николая и потянулся к вороту.

— Не трогай! — сказал Савелий.

Сын не ответил. Расстегнул верхнюю пуговицу телогрейки, дёрнул вторую. Она не поддалась. Тихон подsunул пальцы под ткань у горла, оттянул, давая Николаю вдохнуть.

— Куртку держит! Пап, снизу расстегни!

Савелий бросил железо на траву и взялся за нижнюю пуговицу. Она была крупная, чёрная, из треснувшей пластмассы. Не проходила через петлю. Он поворачивал её мокрыми пальцами, чувствовал Николаев живот под телогрейкой и не мог заставить себя сделать движение спокойнее.

— Ломай! — сказал Валерий.

Савелий потянул полы в стороны. Нитки не сразу, но лопнули. Следующую пуговицу сорвал Тихон. Лариса, добежавшая со стулом, поставила его рядом и подхватила Николая сзади под спину, пока Валерий пытался освободить здоровую руку из рукава.

Белая дуга повернулась. Ткань треснула у ворота, но не порвалась до конца.

Савелий не тянул за правый рукав. Поддерживал повреждённую руку вместе с тканью, пока Тихон стаскивал телогрейку с плеча. Когда рукав пришлось провести через предплечье,

Николай закричал снова. Они остановились на мгновение, но ворот продолжал натягиваться, и Тихон снял оставшуюся ткань с кисти. По Николаеву подбородку тянулась слюна.

Наконец куртка осталась без человека.

Её потащило вверх, рукав ударил Савелия по щеке. Он отступил, прижимая к себе Николая. Валерий держал его с другой стороны, Лариса помогала повернуть к стулу. Таланов не сел: опустил колени на мокрую траву и навалился грудью на сиденье.

Тихон стоял между ним и забором.

За штaketником выпрямилась фигура.

Она поднялась выше ограды настолько, что Савелий увидел верхнюю часть груди и голову. Голова была узкая, с нависшим над лицом костяным краем. Ни волос, ни шапки. Кожа по бокам шеи собиралась длинными вертикальными складками, хотя сама шея оставалась натянутой. Существо держало телогрейку на белом крюке и смотрело на них.

Савелий не мог понять, где у него глаза. Чёрная полоса под лбом казалась слишком низкой. Рот был закрыт, а под нижней челюстью двигалась кожа, будто оно пережёвывало что-то, не раскрывая губ.

Сбоку от крюка качнулся маленький тёмный колокольчик.

Савелий увидел его и успел крикнуть сыну, чтобы отошёл. Звук ещё не было.

Тихон повернулся к нему. На лице сына возникло удивление — короткое, почти сердитое: опять отец орёт, не объясняя. Затем колокольчик ударил один раз.

Савелиевы зубы сомкнулись так сильно, что защемило челюсть. Он почувствовал, как носки собственных ботинок поворачиваются внутрь. Руки, поддерживавшие Николая, не слушались; хотелось опустить их на землю. Савелий ударился коленом о край стула и сумел остановиться, упершись бедром в сиденье.

Тихон согнулся. Не до земли — на мгновение, словно собирался поднять монету. Потом выпрямился и отступил к матери. Лицо у него было белое.

Таланов соскользнул со стула. Лариса поддержала его за плечи, Валерий не дал упасть лицом. Савелий всё ещё держал повреждённую руку, боясь отпустить и ещё сильнее боясь случайно сжать.

Когда он снова посмотрел на забор, над ним колыхалась пустая телогрейка.

Она зацепилась рукавом за верхний край доски. Белой дуги и головы уже не было видно.

Тихон шагнул к проходу.

— Стой! — сказал Савелий.

На этот раз сын остановился. Только смотрел между зарослями малины, куда от забора вела примятая полоса.

Римма стояла у калитки Сухановых. Савелий увидел её впервые с того момента, как появилось белое орудие. Она прижимала ладони к груди, будто старалась удержать внутри слишком громкий стук.

— Идите в дом, — сказала она.

Голос был тихий, но Лариса услышала.

— Николая поднять надо.

— Я помогу. Только идите оттуда.

Римма подошла, стала рядом с Валерием. Она не смотрела на висящую куртку. Николай лежал на боку возле стула и стонал, втягивая голову в плечи. Короткий сапог, который Савелий пытался снять, остался рядом с его ногой, полный воды.

— Можете сами чуть передвинуться? — спросила Лариса.

Таланов мотнул головой.

Они не стали его распрямлять. Подвели под спину и ноги руки, удерживая в согнутом положении, и вместе перенесли на сухое крыльцо Кедровых, всего в нескольких шагах от стула. Савелий поддерживал раненое предплечье. Из сумки вытащили свернутую рабочую куртку,

подложили ему под голову. В дом не пошли: ключи оставались у Ларисы дома, а сейчас нельзя было отпустить Николая ради поиска.

Тихон снова говорил по телефону, уже громче. Просил передать, что нападение произошло сейчас, что у человека тяжёлая травма руки. Адрес называл точно, без длинных объяснений про старый двор.

Савелий не выпускал Николая. Тот пытался повернуть к нему голову.

— Ты зачем? — спросил он.

— Я по нему бил.

— Не надо было.

— По палке, Коля. По этой белой.

Таланов зажмурился. Савелий увидел, как из-под века вытекла слеза и попала в складку возле уха. Захотелось ещё раз объяснить, куда пришёлся удар, чтобы Николай понял: руку ему сломал не Савелий. Но железо держал он. Размахнулся тоже он.

Лариса опустилась рядом. Протянула чистое полотенце, которое осталось с вечера в сумке у неё дома: успела сбегать, пока Римма помогала удерживать Николая. Вместе с полотенцем она принесла ключи и одеяло. Дверь открыли, но Таланов не хотел, чтобы его снова переносили, и его укрыли здесь, на крыльце.

Савелий спросил про Николаеву жену:

— Лена где?

— У дочки, — ответил Николай. — Позавчера уехала.

— Номер помнишь?

— В телефоне. У меня дома остался.

Лариса сказала, что найдёт, кому позвонить, и отошла к калитке. Римма присела на корточки возле ступени. От её пальто тянуло сыростью, к подолу прилип сухой лист.

— Это он, — сказала она Савелию.

Валерий резко обернулся. Римма посмотрела на него и повторила:

— Он.

Тихон закончил разговор. Стоял неподалёку, и Савелий знал, что сын услышал оба слова. Можно было сделать вид, будто Римма говорит о человеке, напавшем на троих вчера. Можно было продолжить молчание ещё ненадолго.

Савелий поправил край ткани под Николаевой рукой.

— В сторожке, — сказал он. — Мы его там видели.

Римма подняла голову. Валерий отвернулся к улице.

Николай открыл глаза и посмотрел на Савелия.

— Так ты знал, кого бьёшь?

Глава 7. Место в машине

На Николаев вопрос отец ответил не сразу.

— Я не знал, что тебе отзовётся.

Тихон ждал ещё каких-нибудь слов. Что Савелий не мог поступить иначе. Что нельзя же было стоять и смотреть, как человека тащат за горло. Отец ничего не добавил: держал Николая за предплечье через сложенную ткань и смотрел на правую кисть, пальцы которой казались Тихону чужими. Ещё недавно этой рукой Таланов цеплялся за Валерия.

Тихон отошёл к калитке, не выпуская из виду проход возле пустого участка. Ему хотелось поставить туда что-нибудь тяжёлое. Закрыть, завалить, сделать так, чтобы за спиной оставались только свои. Но из прохода утром вышел Николай. Если бы там стояли запертые ворота, он так и остался бы с другой стороны.

На ладони у Тихона была ссадина. Наверное, ободрал о пуговицу, когда срывал с человека телогрейку. Он несколько раз сжал руку и разжал, проверяя, двигаются ли пальцы так, как ему нужно.

Двигались.

Тогда, после звона, тоже двигались. Только прежде, чем он успел решить, куда их деть, они сами потянулись вниз. Тихон помнил это не как чужой толчок, а как собственное желание: наклониться было правильно, естественно, необходимо. На одну короткую секунду он хотел встать рядом с Николаем на колени.

От этого воспоминания его затошнило.

Он отвернулся к улице, вдохнул холодный воздух. Мать разговаривала по телефону. Нашла номер Елены через женщину, с которой та вместе ездила за покупками. Повторяла, что Николай жив и помощь уже едет; просила не возвращаться сначала домой, а дожидаться, куда его отправят.

Тихону позвонили, чтобы уточнить место. Он вышел на середину улицы и помахал подъезжавшей машине. Когда медики подошли к крыльцу, стало легче: теперь можно было отойти, передать им хотя бы то, с чем они умели обращаться.

Отец остался рядом. Показал, как держал руку, повторил, что Николая не выпрямляли. На вопрос, откуда травма, сказал:

— Я ударил гвоздодёром. Только не по нему.

Его попросили объяснить. Савелий начал с белого крюка, и Тихон услышал, как странно звучит рассказ, если слушающий не стоял рядом с забором.

Он подошёл ближе.

— Я видел. Железо руки не касалось. Вот здесь человек был, а удар — выше, в стороне.

Показал расстояние, разводя ладони. Получилось недостаточно убедительно. Хотелось, чтобы в воздухе на несколько мгновений сохранились все положения: рука Николая, белая дуга, железо отца. Тихон мог бы обойти их, показать с другой стороны, и тогда никто не подумал бы, что он защищает своего.

Медик не стал спорить. Попросил освободить место возле раненого, и Тихон отошёл.

Антон приехал, когда Николая уже готовили к перевозке. С ним было ещё двое полицейских; одного Тихон узнал по вчерашней ночи. Они не вошли всем составом во двор: один остался у машины, второй вместе с Антоном выслушал, откуда появился нападавший, и пошёл к пустому участку. Тихон показал проход, но сам туда не полез.

— Далеко не отходите, — сказал ему Антон. — Поговорим отдельно.

Николая унесли на носилках. Правую руку уже закрепили, лицо у него стало неподвижным от усталости. Мать передала ему слова жены: та с дочерью выезжает к нему, дорогу домой сначала делать не будет.

— Сапоги не надо, — сказал Таланов.

Тихон посмотрел на обрезанный сапог у стула. Второй медики сняли, когда укладывали Николая; теперь оба стояли в грязи возле забора.

— Останутся здесь, — ответил он.

Николай кивнул. Про телогрейку не спросил.

Когда машина отъехала, Савелий сел на новую ступень. Римма стояла возле него, но не говорила. Валерий закурил у калитки; держал сигарету близко к лицу, прикрывая ладонью от мороси, хотя она уже давно горела.

Тихон протёр стул полотенцем. На сиденье остались тёмные полосы от Николаевой рубахи. Мать попросила пока не нести его в дом. Он поставил стул под навесом крыльца, рядом с инструментальной сумкой, и вымыл руки у них во дворе. Вода казалась слишком тёплой, хотя шла почти холодная.

Антон позвал его к машине. Попросил рассказать с того места, где Таланов появился из прохода, и несколько раз остановил, когда Тихон начинал объяснять вместо того, чтобы описывать.

— Вы решили, что крюк костяной. Почему?

— Белый. И дырочки в нём. Как внутри кости, когда распилена.

— Прикасались?

— Нет.

— Тогда так и оставим: белый, с отверстиями. Из чего сделан, пока не знаем.

Тихон кивнул. Ему понравилось это «пока». Антон не просил считать увиденное доской или веткой, но и не помогал дорисовать того, чего они не рассмотрели.

— Лицо видели?

— Видел. Сверху над забором.

— Опишите.

Это оказалось труднее. Тихон помнил движение у нижней челюсти, тёмную впадину под лбом, серую шею. Попытался показать рукой, как длинно тянулась кожа. Антон уточнил про одежду. Тихон сказал, что не может ответить: не видел ни воротника, ни края ткани, но ниже груди всё закрывал забор.

— Рост?

— Очень высокий. Я голову запрокинул.

— Мог стоять на чём-нибудь с той стороны?

Тихон посмотрел на участок.

— Мог. Я туда не ходил.

Антон записал. Спросил, что произошло после звука.

Тихон рассказал про колени. Сразу пожалел: прозвучало, будто у него просто подкосились ноги от испуга. Попытался объяснить, что испугался раньше, а согнуться захотел потом. Антон не поправил, только попросил повторить, сколько длилось это состояние.

— Мало. Несколько секунд. Потом прошло.

— Сейчас что-нибудь болит?

Тихон показал ладонь. Про тошноту тоже сказал. Антон предложил поговорить с Людмилой, которая осталась у Кедровых после отправки машины; Тихон ответил, что поговорит.

Второй полицейский вернулся со стороны забора. На пустом участке никого не нашли. Телогрейка всё ещё висела на штaketнике; её сфотографировали, затем сняли. На земле за оградой остались глубокие вмятины и сломанные ветки, но дальше, в мокрой траве, ясный след терялся. Гвоздодёр отец показал там, где бросил. Его тоже забрали.

Антон отложил записи.

— Отец сказал, вы ещё вчера слышали этот звон.

— В старом дворе. Два раза точно.

— А утром узнали?

— Да.

Тихон вдруг подумал, что звук он помнит хуже, чем то, что происходило во рту и в ногах. Если бы его попросили отличить этот колокольчик от десяти обычных, он, наверное, не смог бы.

Он так и сказал Антону.

Полицейский помолчал, потом попросил не расходиться далеко и отошёл звонить. Тихон слышал только отдельные слова: ещё один пострадавший, несколько свидетелей, опасный человек в районе жилых домов. Слово «человек» прозвучало уверенно. Тихон посмотрел на отца, сидевшего на ступени, и понял, что сам пока не знает, какое слово использовать вместо него.

Людмила выслушала Тихона, посмотрела ссадину и спросила, были ли обморок, рвота, сильная боль. Он ответил. Она не сказала, что всё в порядке; велела сразу сообщать, если состояние изменится, и не уходить одному.

— Я не собирался.

— Хорошо. Я это и тебе, и отцу сказала.

Людмила уехала. Мать закрыла Кедровский дом, когда с крыльца забрали последние вещи, проверила ключ в замке и убрала его в карман. Унесла полотенце и рабочую куртку, которую подкладывали Николаю. Тихон забрал инструментальную сумку. Стул отец понёс сам.

Антон остался разговаривать с Валерием. Римма пошла вместе с ними к Сухановым. По дороге Тихон спросил её:

— Мирон — это тот, у забора?

Римма остановилась так резко, что отец едва не налетел на неё со стулом.

— Нет.

— Просто вы сказали...

— Мирон был с нами. Человек. Обычный человек, как ты.

Отец поставил стул на землю.

— Тихон, мы сейчас зайдём.

Сын посмотрел на него.

— Я про сапог спросил. Там имя. Вы его знаете. А это тоже знаете. Мне уже всё равно, где слушать, здесь или в доме.

Савелий взялся за спинку стула, но не поднял.

— Мужчина, который их заводил, может быть кем угодно. Сапог ещё ничего не доказывает.

— Я понял про сапог. Про того, другого.

Римма поправила воротник пальто. На манжете осталась грязь от крыльца, и она вытерла её о вторую манжету, сделав обе одинаковыми.

— Он был в сторожке, — сказала она. — Ночью пришёл. Паша вышел в сени, а потом...

Она замолчала. Тихон видел, как у неё ходят желваки, и впервые подумал о Паше не как о давно умершем мальчике, имя которого называли взрослые. Римма помнила его утром, днём, за минуту до того, что произошло. Она не могла просто выбрать для рассказа последнее место.

— Зайдём, — сказал он.

Отец поднял стул.

* * *

К середине дня у Сухановых на кухне стало тесно от вещей, которые с утра складывали куда попало. На табуретке стояла сумка с полотенцами, у двери лежал рабочий пояс, возле хлебницы сохло одеяло, которым накрывали Николая. Тихон убрал его на спинку свободного

стула. Мать принялась освобождать табуретку, снова поставила на неё сумку и некоторое время стояла, не понимая, за чем пришла.

Отец мыл стул во дворе. Долго, тщательно, из ведра. Тихон смотрел на него в окно, пока Римма говорила с Ларисой.

Он слышал отдельные фразы. Они ушли по просеке, не сразу нашли дорогу. Валерий был ранен, Римма почти ничего не соображала. Паша погиб. Мирон остался в сторожке.

— Мёртвый? — спросила мать.

Римма не ответила. Тихон обернулся.

— Я его потом не видела, — сказала она наконец. — Когда выходили — не видела.

Лариса посмотрела в окно на мужа.

— А Савелий?

— Это у него спроси.

Тихону захотелось открыть окно и позвать отца прямо сейчас, со стулом, с мокрыми руками. Пусть встанет здесь и ответит. Но Римма уже поднималась, ей нужно было домой: закрыть оставленную открытой дверь в сарай и взять вещи. Лариса предложила остаться у них на ночь.

— Приду, — сказала Римма. — Мне одной сейчас не надо.

Тихон вызвался проводить. Мать отпустила их только после того, как Римма сказала, что идти два двора, по улице. Отец оставил стул у стены и пошёл с ними. За всё утро это было первое его решение, с которым никто не спорил.

Римма собрала небольшую сумку. Взяла сменную кофту, таблетки в коробках и старый фотоальбом. Тихон хотел помочь ей снять альбом с верхней полки, но она достала сама, встав на носки.

На обратном пути встретили Антона. Он говорил с соседями у дома Кедровых. Увидев Савелия, попросил позже показать на карте, где стояла сторожка и как к ней подходили. Самому пока никуда не идти. Двух приезжих, которые спрашивали дорогу к реке через старый двор, он отправил обратно на улицу.

Дома Римма положила альбом под свою сумку. Пока не открывала.

Ларисе позвонила Елена. Разговор был коротким. Николая довезли, дочь поехала с ней; Елена просила позже забрать из дома тёплые вещи. Мать сказала, что подождёт, когда они перечислят нужное, и передаст с теми, кто будет ехать.

— Рука сломана, — сказала она после звонка. — Делают что нужно. Подробностей пока нет.

Савелий сел на край дивана. Тихон видел, как отец осторожно положил правую руку на колено, не касаясь пальцами ткани. Ранка возле ногтя снова разошлась.

— Пап, ты помнишь про четверг?

Он спросил это, потому что нужно было сказать хоть что-то, относящееся к следующей неделе. Не к сторожке, не к чужим костям, не к утру, которое никак не кончалось.

— Помню.

— Я могу сам доехать. Тебе необязательно везти.

Отец поднял на него глаза.

— Раньше надо. Сегодня.

Тихон не ожидал этого.

— Куда сегодня?

— К Асе. Она же там.

Мать вышла из кухни. Остановилась у дверного косяка, не вмешиваясь.

— Она завтра работает, — сказал Тихон. — И место на пятницу договорено.

— Ну и побудешь у неё до пятницы. Здесь тебе делать нечего.

Тихон посмотрел на свои руки. Под ногтем оставалась чёрная полоска, которую он не смог вымыть.

— А тебе есть?

— Есть.

— Что?

Отец открыл рот, но ответил не сразу.

— Я знаю дорогу. Люди ещё могут там быть. Антон просил показать.

— Ты карту покажешь. Для этого не надо никому руки держать.

Савелий встал. Прошёл к столу, остановился рядом с матерью.

— Тихон, я не хочу, чтоб ты тут оставался.

Сын услышал в его голосе то, чего ждал с самого утра. Без объяснения про работу, про молодость и про то, что отец лучше знает.

— Я тоже не хочу.

Лариса подошла к окну. Посмотрела на новую калитку, потом на телефон у себя в руке.

— Давайте узнаем, кто едет, — сказала она.

Они узнали. У женщины из соседнего дома вечером заезжал зять; мог взять одного пассажира, дальше Тихон добрался бы сам. Места для всей семьи в машине не было. Водитель предложил подождать до четырёх, потом ему надо было знать, заезжать ли к Сухановым.

Тихон позвонил Асе из своей комнаты. Рассказал о Николае и о том, что видел над забором. Не сказал «показалось»: слишком отчётливо помнил, как ткань телогрейки рвалась у него в пальцах.

Ася выслушала до конца.

— Ты можешь приехать сегодня?

— Могу. Нашли машину.

— Тогда приезжай. Я простыню уберу, она уже высохла.

Он сел на кровать. Со стороны кухни донёсся голос матери: она спрашивала Римму, с сахаром ли чай. Римма ответила неразборчиво.

— Я хочу завтра, — сказал Тихон.

Ася молчала.

— Антону людей не хватает, — продолжил он. — Не в лес бегать. Здесь. Надо стариков проверить, у кого телефоны не работают. Мать одна будет...

— Отец с ней.

— Да.

— Тогда скажи, почему завтра.

Тихон лёг спиной на кровать, не снимая тапок. Посмотрел на потолок, где с детства оставалось неровное пятно возле светильника. Отец каждый год обещал его закрасить и забывал; Тихон сам забывал, когда приезжал надолго.

— Он сегодня ударил эту штуку, — сказал он. — И Коле руку сломало. Понимаешь? Отец теперь говорит, что ему здесь есть что делать. Я боюсь, что он ещё раз так сделает. Решит за всех.

— А ты остановишь?

— Не знаю.

— Тихон.

— Я знаю, как это звучит.

Ася выдохнула. Он слышал, что она ходит по комнате: голос то приближался, то становился глуше.

— Мне страшно, — сказала она. — Я ещё даже не поняла, чего бояться. Просто ты говоришь, и мне страшно. Я не хочу сейчас подбирать слова, чтоб тебе было удобно остаться.

— Не подбирай.

— До завтра — это до какого времени?

Он посмотрел на часы.

— Утром позвони. До того, как вы куда-то соберётесь с отцом, — сказала Ася, не дождав-
шись ответа. — Ты мне сам позвони. Не заставляй сидеть и гадать.

— Позвоню. Сам.

Она ещё раз попросила его приехать сегодня. Тихон сказал, что остаётся до утра, и на
этот раз не добавил ни про стариков, ни про работу матери. Ася не одобрила, но разговор не
прервала. Они договорились о звонке, и она напредила ему зарядить телефон.

Выйдя из комнаты, Тихон нашёл отца у окна. Тот уже убрал стул с улицы; мокрые ножки
стояли на старой тряпке.

— Я до завтра останусь, — сказал Тихон. — Утром решу, как ехать. Водителю сам сейчас
скажу, чтоб не ждал.

Савелий не повернулся.

— Зачем?

— Хочу знать, что здесь делается.

— Знаешь уже.

— Не всё.

Отец посмотрел на него. Тихон понял, что тот услышал в ответе упрёк, и не стал раз-
убеждать.

— Ты в лес один не пойдёшь? — спросил сын.

— Не пойду.

— Даже если вспомнишь ещё что-нибудь?

Савелий посмотрел через окно на свой навес, где висели старые сапоги и лежали связки
верёвки.

— Сначала скажу.

Тихон позвонил водителю, отказался от места и поблагодарил. Потом поставил телефон
на зарядку и уселся рядом с розеткой, чтобы не отходить от него далеко. Ему всё ещё хотелось
сжимать и разжимать пальцы. Он положил ладони на колени и оставил как лежали.

Глава 8. Первый выезд

В воскресенье вечером Лариса увидела, как из соседнего дома выносят постельное бельё. Не сумку с вещами, не чемодан — большой синий таз, из которого торчал край одеяла. Женщина несла его, прижав к животу, а муж шёл сзади с двумя пакетами. Именно эта нелепая хозяйственная подробность заставила Ларису понять: они действительно уезжают.

Машина стояла возле ворот. Та самая, в которой Тихону предлагали место. Он вышел помочь поставить таз, поздоровался с водителем. Лариса смотрела из окна, ожидая, что сын сейчас передумает, вернётся за рюкзаком и скажет: ладно, поеду. Он закрыл багажник, отступил и помахал вслед.

Машина прошла мимо их калитки. На заднем сиденье соседка держала обеими руками корбку, чтобы та не скользила на поворотах.

— Доехали бы, — сказала Римма.

Она стояла рядом с Ларисой. Без пальто казалась меньше, чем утром; манжеты светлой кофты были растянуты, одну она всё время подтягивала к локтю.

— Позвонят, — ответила Лариса.

К вечеру уехали ещё две семьи. Кто-то на своей машине, кто-то к знакомым. Ларисе звонили из магазина: спрашивали, будет ли завтра хлеб и откроются ли с утра. Она пообещала прийти к сменщице и помочь хотя бы на несколько часов. Не представляла, что сказать людям, если магазин останется закрытым.

Савелий вернулся от Антона уже в сумерках. Показывал на карте старую просеку, болотные гривы, место сторожки. Сказал, что утром будут проверять подходы, но сам без них не пойдёт. Римма спросила, обозначили ли ручей за вырубом. Савелий ответил, что обозначили.

Лариса слушала их из кухни. От этих спокойных вопросов о ручье ей стало не по себе: они оба помнили дорогу достаточно хорошо, чтобы спорить о повороте, но за годы дружбы никто ни разу не показал ей, где погибли двое.

После ужина Римма принесла альбом.

У обложки оторвался верхний угол, и на пальцах остались крошки коричневого покрытия. Римма положила альбом на стол, сдвинула сахарницу и долго перелистывала страницы, прежде чем остановиться.

На фотографии пятеро сидели на крыльце. Не на лесной сторожке — за спинами виднелась ровная крашеная дверь, возле перил стоял детский велосипед. Лариса узнала Савелия сразу. Он был худой, стриженный коротко, в футболке, которая свободно висела на плечах. Сидел, поставив локти на широко раздвинутые колени, и смотрел не в объектив, а на человека рядом.

— Здесь ещё до того, — сказала Римма. — Летом.

Пальцем она закрыла угол фотографии, где торчал из кадра чужой ботинок.

Паша сидел на верхней ступеньке. Слишком длинные руки, острые колени, серьёзное лицо, которому улыбка явно мешала. Римма на снимке держала его за плечо, а он пытался отвернуться, не выходя из кадра.

Валерий был почти таким же, как теперь, только полнее лицом. Лариса подумала, что в чужой молодости всегда ищет след будущего и потом принимает случайную черту за предсказание. Ничего на этом снимке не предсказывало того, что она уже знала.

— Это Мирон? — спросила она, показывая на пятого.

Мужчина сидел у самого края крыльца, чуть наклонившись вперёд. В руке держал кружку. Не улыбался, но по прищуре было понятно, что только что смеялся и ещё не успел успокоиться. Один рукав рубашки закатан выше другого.

— Он.

Лариса посмотрела на мужа.

Савелий стоял у раковины. Увидел фотографию ещё до того, как Римма положила альбом на стол, и теперь вытирал одну и ту же чистую тарелку.

— Ты его мёртвым видел? — спросила Лариса.

Римма убрала палец с угла.

Савелий перестал вытирать.

— Нет.

Слово прозвучало тихо, но Лариса расслышала. Тихон, сидевший возле печи с телефоном, поднял голову.

— Почему тогда все считали?

Савелий положил тарелку.

— Мы потом вернулись с людьми. Сторожка была пустая. Пашу нашли. Мирона нет.

— И ты решил, что погиб?

Он посмотрел на Римму, но та не помогла.

— Я сказал, что он остался там.

— Живой?

Савелий взял край полотенца обеими руками. Несколько секунд смотрел вниз, на белую ткань.

— Когда я вышел, он ещё говорил.

Тихон отложил телефон. Лариса почувствовала, как прежде отдельные сведения становятся одной историей, и эта история пока не сходится.

— Что говорил?

— Чтобы мы уходили.

Римма закрыла альбом так резко, что оторванный угол ударился о стол.

— Савелий.

Он поднял глаза.

— Он это говорил.

— Сначала.

Лариса смотрела то на одного, то на другую. Тихон встал. Савелий расправил полотенце и положил возле раковины.

— Я не готов сейчас всё это...

— Ты не мне отвечаешь, — сказала Римма. — Ей ответь.

Муж сел. Впервые за весь разговор сел, и Ларисе стало страшнее, чем когда он стоял и отворачивался: теперь она увидела, что у него дрожат колени.

— Я боялся, — сказал Савелий. — Вышел. Их вывел. И назад не пошёл.

Он говорил не всю правду. Лариса поняла это по Римминому лицу, но не могла определить, что именно оставалось за словами. Думала, что муж не вернулся, пока другой человек звал его на помощь; пыталась представить, как прожила бы рядом с этим знанием, если бы получила его двадцать пять лет назад.

Савелий потянулся к ней через стол. Она не отодвинулась, но ладонь ему не дала. Рука мужа осталась между чашкой и альбомом.

Телефон Ларисы зазвонил. Соседи доехали, спрашивали, не осталось ли у них открытым окно наверху. Она пообещала посмотреть утром с улицы; повторила дважды, что поняла. Голос у соседки был обычный, усталый от дороги. Рядом кто-то звенел посудой и ругался, что приехали, а чайник пустой.

Лариса не хотела заканчивать этот разговор. В том доме происходило что-то простое, где слова ещё означали ровно то, что должны.

Потом всё-таки положила телефон.

Римма убрала альбом. Тихон ушёл в свою комнату. Муж остался за столом, и Лариса, проходя мимо, сказала:

— Завтра я буду спрашивать дальше.

Он кивнул.

* * *

В понедельник Лариса проснулась раньше будильника. Римма лежала на раскладушке в комнате, отвернувшись к стене; по дыханию было непонятно, спит ли. На стуле рядом с ней лежали кофта и аккуратно сложенные брюки.

Тихон вышел из своей комнаты уже одетый. Телефон держал возле уха.

— Я помню, — говорил он. — Нет, ещё дома. Сейчас маму до магазина провожу.

Он посмотрел на Ларису, кивнул и отошёл к окну. Она не стала слушать дальше. Вчерашнюю просьбу Аси сын выполнил, и этого пока было достаточно.

Савелий собирался вместе с ними. Антон должен был встретить его возле магазина, чтобы ещё раз обсудить дорогу перед поиском. Лариса вышла в сени, взяла рабочую сумку и проверила Кедровские ключи в кармане куртки. По дороге посмотрела на верхнее окно уехавших соседей: закрыто. Сразу написала им, чтобы не беспокоились.

У магазина стоял микроавтобус Дениса Половцева. Денис возил людей по частным заказам, а когда заказов не было, занимался всем, на что находились желающие: помогал перевезти мебель, забирал привезённые доски, вытаскивал машины из грязи. Лариса покупала у его матери, Агнии Михайловны, сушёные яблоки. За пакет та всегда брала одну и ту же сумму и всякий раз объясняла, почему в следующий раз возьмёт больше.

Сейчас Агния Михайловна сидела в микроавтобусе с клетчатой хозяйственной сумкой на коленях и сердилась на сына.

— Ты говорил, на два дня. Я на два дня и собралась.

— Ну соберёшь ещё, если надо будет.

— Где соберу? У твоей сестры? Она мне даст свои штаны до колена?

Денис увидел Ларису и развёл руками.

— Вот так всё утро.

— Езжайте, — сказала Лариса. — Потом привезём, что понадобится.

Агния Михайловна посмотрела на неё через открытую дверь.

— Ты сама-то едешь?

— Пока нет.

— Вот и я пока не хочу.

Лариса не нашлась с ответом. Денис тихо закрыл дверь, оставив окно приоткрытым, чтобы мать не решила, будто её заперли.

Он собирался уехать после обеда. Сначала отвезти мать и ещё нескольких соседей, а вечером вернуться за теми, кто не успеет собраться. Лариса спросила, есть ли место для Тихона. Денис сказал, что одно найдётся, если без большого багажа.

— Мне рюкзака хватит, — ответил сын.

Лариса повернулась к нему.

— Поедешь?

— Поеду. Я Асе сказал, что попробую сегодня. Ты только сама тоже подумай.

Он смотрел на мать серьёзно, без вчерашнего упрямства. Лариса кивнула, хотя пока не знала, что именно обещает этим кивком.

Агния Михайловна вскоре вышла из микроавтобуса и перебралась в магазин. Денис принёс ей табуретку в угол у витрины. Она села ждать отъезда там, всё ещё держа сумку на коленях.

В магазине было душно. Сменщица открыла дверь в подсобку, потом закрыла: оттуда тянуло холодом. Люди покупали хлеб, чай, батарейки, кто-то взял сразу несколько пакетов крупы, словно собирался оставаться надолго. Лариса запоминала лица и пыталась понять по покупкам, кто уезжает, а кто решил пересидеть дома. Выходило плохо.

Одна женщина спросила, правда ли, что заболевших чем-то накормили. Другая уверенно ответила, что всё из-за воды.

— Никто этого не знает, — сказала Лариса.

— Ну ты же там была.

— Была. И не знаю.

Ей хотелось рассказать про руку Николая и серую голову над забором, но люди стояли тесно, ждали сдачу, передавали пакеты. Она представила, как каждое слово через час вернётся к ней в другом виде. Поэтому сказала только, чтобы не ходили одни к старому двору и не шли с незнакомыми помогать вытаскивать застрявшие машины.

— А со знакомыми? — спросил кто-то из очереди.

Лариса на секунду замерла.

— Лучше по улице держитесь, — ответила она.

На прилавке лежал телефон. Пришло сообщение от Елены: перечислила тёплые вещи для Николая, потом добавила фотографию полки, где стояла его бритва. Лариса передала просьбу сменщице, которая знала их соседку с запасным ключом. Сменщица позвонила этой соседке. Женщина пообещала сходить с мужем, собрать пакет и принести до отъезда Дениса. Не одна, подчеркнула сама, прежде чем Лариса успела сказать.

Савелий с Антоном разговаривали возле машины. Лариса видела их через витрину: муж чертил что-то на листе, полицейский указывал пальцем на экран телефона. Потом к ним подошёл Валерий. Стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на рисунок поверх Савелиева плеча.

Римма пришла позже. Принесла Ларисе термос и два бутерброда.

— Ты опять не ела.

— Ела.

— Чай не еда.

Лариса взяла термос. Римма осталась снаружи, возле входа, помогла женщине вынести пакет к микроавтобусу. Лариса вдруг поняла, что подруга не хочет возвращаться к ним домой одна. Собственный дом Риммы стоял ещё ближе, но туда она тоже не шла.

К полудню дождь кончился. Агния Михайловна вернулась на своё сиденье; Денис открыл одну створку задней двери и перекладывал сумки так, чтобы проход внутри оставался свободным. Валерий отошёл от полицейской машины и помог ему с тяжёлой коробкой. Тихон ушёл с отцом за рюкзаком; Лариса сама попросила Савелия проводить его, хотя до дома было недалеко.

Она вышла из магазина с двумя пакетами для тех, кто уже ждал в салоне. Один поставила на подножку, второй протянула Агнии Михайловне.

— Это соседям, — сказала та, не беря.

— Знаю. Передайте назад.

— А, ну так бы сразу.

Пока пакеты передавали через сиденья, к Валерию подошёл мужчина.

Лариса заметила его не сразу. Он стоял с другой стороны распахнутой задней двери, и она видела только плечо в тёмной куртке, край бороды и руку, лежавшую на дверном косяке. Мужчина был без шапки. Короткие волосы над виском слиплись, словно он недавно снял мокрый капюшон.

Валерий перестал поправлять коробку.

Мужчина что-то сказал ему. Лариса не расслышала: Денис в салоне сдвигал сиденье, железо громко щёлкнуло. Затем увидела, как Валерий отступил на полшага, уперевшись спиной в закрытую половину двери.

— Ты откуда? — спросил он.

Незнакомец наклонил голову. Ответил совсем тихо.

Ларисе показалось, что Валерий сейчас позовёт кого-нибудь. Он посмотрел вдоль улицы, в ту сторону, куда ушли Савелий и Тихон, потом вернулся взглядом к мужчине.

— Нет, — сказал он. — Здесь не надо.

Лариса замерла с пакетом в вытянутых руках. Агния Михайловна придержала его снизу.

— Давай сюда, чего застыла.

Мужчина уже отнял руку от машины. На костяшках пальцев белели короткие полосы старых шрамов. Он отошёл за угол магазина, туда, где начинался узкий проезд к заднему двору.

Валерий пошёл следом.

— Валера, — позвала Лариса.

Он оглянулся. Лицо было совершенно неподвижным, но шагал он обычно, не стигаясь и не хватаясь за стену.

— Сейчас.

— Кто это?

Валерий не ответил. Скрылся за углом.

Лариса поставила пакет Агнии Михайловне на колени и обошла задние двери микроавтобуса. Денис выпрямился в салоне.

— Что?

— Валера с кем-то ушёл. Ты видел его?

— Кого?

— Мужика.

Денис выглянул на улицу. Покачал головой.

Лариса подошла к углу, но дальше не пошла. Проезд был пуст. За магазином открывались двое ворот: одни в маленький хозяйственный двор, другие — в огород давно нежилого дома. Между ними шла тропа к низине. Калитку магазина Лариса знала по облупившейся ручке, соседнюю — по провисшей петле. Сейчас обе были приоткрыты.

— Валера!

Никто не ответил.

Она отступила к улице и позвала Антона. Он всё ещё стоял возле машины, разговаривал с пожилым мужчиной. Лариса не стала ждать окончания разговора.

— Шилов за магазин пошёл. С человеком. Я не знаю с кем. Он на него посмотрел как...

Она не закончила. Антон уже направился к углу, позвав напарника. Попросил Ларису остаться с людьми возле микроавтобуса.

Денис закрыл открытую створку. По лицам в салоне Лариса поняла, что там слышали достаточно, чтобы начать задавать вопросы. Агния Михайловна хотела выйти; сын попросил посидеть ещё немного и сам встал возле боковой двери.

Лариса позвонила Савелию.

— Возвращайтесь. Валера ушёл с кем-то. Полиция смотрит.

Муж переспросил, с кем. Она описала куртку и бороду, почувствовав, до чего мало успела заметить. Рассказала про вопрос «ты откуда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.